

Вениамин СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

*Иллюстрации
Владимира Левицкого
(Петрозаводск)*

ПОСЛАНЕЦ Вселенной

повесть

ма бросилась расстегивать куртку на нем. Толя повернулся, будто бы отворачиваясь, но мама была настойчива. Ее короткие пальчики с несколько суховатой от постоянных домашних забот кожей проворно сновали от петли к петле. Мама посмеивалась:

— Вот так, как маленького мы тебя разденем! Давай, сынулька, давай!

Она повесила куртку на крючок вешалки, привстав на цыпочки. Когда отец укреплял вешалку на стенке, то прикинул на свой рост. Оттого уже много лет маме приходилось стоя на цыпочках вешать и снимать пальто и шубы. Шапки она просто закидывала, иногда они падали обратно.

Ловко подхватывая их, мама повторяла по-

— **Т**оленька, как хорошо, что ты зашел, я как раз борщ сварила!

Мама, как всегда, обрадовалась приходу сына, поспешила обтереть руки о застиранный белый в мелкий бледно-розовый цветочек фартук, са-

пытку. Свои вязаные береты она клала на обувную полку рядом с телефоном. В углу прихожей стояла палка, некогда бывшая ручкой детской хоккейной клюшки. Когда-то клюшку купили Толе, собравшемуся классе в четвертом в хоккейную секцию. Игнатьев сходил один раз, вызвав насмешки мальчишек тем, что совсем не умел стоять на коньках, его ноги ехали куда угодно, но только не туда, куда намеревался направить их он, причем непременно разъезжались в разные стороны. После такого опыта у него несколько дней болели лодыжки. Хоккей на этом закончился, а клюшка осталась. Может быть, еще пару раз он погонял шайбу на утоптанном поле с дворовыми мальчишками. Много позже отец отпиллил у клюшки крюк, и мама использовала палку, чтобы доставать шапки. Вбить новые гвозди пониже, чтобы маме не приходилось прыгать и вставать на цыпочки, почему-то не пришло в голову ни отцу, ни Толе. Впрочем, мама и не жаловалась. Попроси она это сделать, наверное, мужчины бы не отказали. А коли молчала, так они сами не додумались.

Мама быстро метнулась к туалету, принесла тряпку, которой обычно мыла пол. Она бухнулась на колени перед сыном и начала обтирать его туфли от уличной грязи.

— Да не надо, мама! — недовольно сказал Толя.
— Пусти, они не грязные.

Игнатьева раздражала навязчивая мамина работа, но он принимал ее как неизбежность, привыкнув к этому с детских лет.

— Ну как же! — возразила мама. — С улицы, да не грязные? Поднимай ножку. Та-ак... А теперь вторую. Вот, совсем другое дело!

Она расшнуровала туфли и принялась стаскивать их с ног сына. Толя убрал ногу, шумно вздохнув, с трудом нагнулся сам и, сопя, разулся. Ему захотелось сказать маме что-нибудь грубое, но он сдержался, понимая, во-первых, что она действовала из лучших побуждений, из любви к нему, а во-вторых, то, что маму не переделаешь. Если четверть века она раздевала и разувала его, то, видимо, будет делать это до старости. С отца она тоже снимала туфли и верхнюю одежду, если тот не успевал сделать это самостоятельно. Так уж повелось в этой семье. Мама, любившая чистоту, постоянно бегала с тряпками, вениками и щетками, забо-

тилась, чтобы ее мужчины выглядели хорошо. Отец досадливо морщился, но не мешал ей обихаживать его. Даже ногти на ногах ему и сыну подстригала она. Все это делать могли бы они и сами, но, на их взгляд, ногти еще не выросли до критической длины, а она полагала, что уже пора работать ножницами...

Толе иногда казалось, что они с отцом эксплуатируют маму. Эти мысли появлялись, когда он видел других женщин, чей облик говорил о том, что женщины эти ухаживают за собой, может быть, позволяют ухаживать другим, но уж точно не вытирают туфли и не стригут ногти своим мужчинам. Толя раздумывал о том, почему в их семье были заведены другие порядки, и находил ответ в том, что маме самой нравилось быть полезной, нужной. Ее никто не принуждал брать на себя роль прислуги, это была внутренняя потребность. Она получала удовольствие, с любовью и гордостью оглядывая почищенных, обстиранных мужа и сына, о себе же думала в последнюю очередь.

Отец, бывший младшим и избалованным сыном в своей семье, такую заботу принимал, позволял себя обслуживать. Он не был изнеженным барчуком, работал, как все, но дома, особенно когда переехали в благоустроенную квартиру, для мужчины достойных дел не находилось. В благоустроенную квартиру же семья Игнатьевых въехала почти сразу после рождения Толи, успев получить ее одними из последних в городе по общей очереди. Потом настали новые времена, очередь замерла надолго, но они успели вскочить в последний вагон уходящего поезда, увозившего скудные социалистические блага.

Мама, кстати, тоже была младшей в семье. Но, видно, у женщин другая доля. Родители и старшая сестра работали, а ей приходилось вести хозяйство: и пол мыть, и обеды готовить, и печку топить. Она с детства так втянулась в домашний труд, что отвыкнуть не могла. Когда пол был намыт, обед готов, белье постирано и поглажено, ее хвалили. Когда она чего-то не успевала, ее ругали. Вот она и привыкла с детства, что если хочешь, чтоб тебя ценили, обслуживай других без устали.

В общем, так повелось по общему молчаливому согласию, и не Толе этот порядок было менять. Он пробовал было предпринять какие-то

действия, протестовать. Это было в пору, когда все подростки бунтуют против своих семей, против, как им кажется, нечестности, затхлости и лицемерия мира взрослых. Раздумывая об этом, он и в отношениях родителей находил ложь. Вот ведь считалось, что папа маму любит. А позволит ли любящий человек, чтобы его любимая женщина стригла ему ногти и чистила его ботинки? А может, это сама женщина виновата, что не ценит себя ни на грош, стремится не просто любить, а выражает свою любовь в мелком прислуживании?

Толя попытался высказать свои мысли родителям, но отец нахмурился, засопел:

— Мал еще родителей учить!

Дня три сам к сыну не обращался, а на его вопросы отвечал односложно, показывая, что не одобряет его поведения.

Мама поддержала отца:

— Яйца курицу не учат!

На том беседы о семейном устройстве и закончились. Как должны выстраиваться отношения между мужем и женой, родители не поясняли. Единственный тезис, не раз повторявшийся отцом, звучал так:

— Надо выбирать жену по себе!

Что это значило, Толя не очень хорошо понимал, но подразумевалось, что папа выбрал маму по себе. Может, это и означало, что ему нужна была именно такая женщина?

Толя перестал задавать вопросы, а его бунт выразился в том, что он стал покрикивать на маму, когда она совсем уж достала его своей опекой. Мама и в голову не брала его недовольство, а папа лишь изредка хмурился, намекая, что дитё должно быть с мамой повежливее. Еще Толя попытался сам следить за чистотой туфель. Но всегда получалось так, что, приходя домой, он намеревался обтереть и почистить туфли чуть позднее, и мама успевала это сделать раньше.

В конечном итоге Толя стал-таки сам себе слугой и господином, когда после окончания учебы в университете, оплаченной из невеликих родительских сбережений, переехал в однокомнатную квартиру, принадлежавшую умершей тетке, бездетной старшей сестре отца. Он часто навещал родителей, и мама, похоже, радовалась не только визитам сына, но и возможности за ним поухаживать.

Она ввела сына в кухню за руку:

— Посмотри-ка, отец, кто к нам пришел!

Толя плелся за мамой, как телок. Отец, увидев его, разулыбался, встал из-за стола, на котором стояла тарелка борща.

— Сиди-сиди, — остановила его мать. — Сейчас и Толенька с нами покушает. Давай, сынок, садись. Я сейчас тебе налью.

Отец и сын уселись за стол. Отец взял толстый кусок хлеба, начал хлебать. Тарелка с борщом появилась и перед Толей. По правде сказать, борщ у Толиной мамы цветом на борщ почему-то не походил, был он желтоватый, как щи. Как обычно, она принялась оправдываться:

— Не знаю, что и делать! Вроде уж и уксусом свеклу сбрызгиваю, а все равно свекольного цвета нет...

— Зато вкус есть, — как обычно, успокоил ее отец. Голос его звучал покровительственно, вроде как снисходительная похвала.

— Правда, мама, очень вкусно, — поддержал Толя. — Как всегда!

Мама смущенно улыбнулась, опустила глаза:

— Ну и хорошо! Кушайте!

Сама она не ела. Любовалась на то, как уплетают ее борщ цвета щей муж и сын. Глава семьи ел неспешно, откусывая хлеб большими кусками. Съев один ломоть, взял второй. Толя хлебал торопливо, утоляя голод.

— А сметанки нет? — спросил он, опустошив добрую половину тарелки.

Мама пригорюнилась:

— Нет, сынулька, сегодня в магазин не ходила, а вчера забыла купить.

Она искренне расстроилась, принялась себя корить, мол, совсем безмозглая стала, знала же, что сын придет, а он со сметанкой все супы ест, кроме ухи...

— Да ладно, ма, и так хорошо! — Толя знал, что если маму не остановить, она будет долго убиваться по пустячному поводу. — Ты сама-то что не кушаешь?

— А я пока готовила, будто наелась!

Мама поднялась из-за стола, сняла с плиты маленький желтый ковшечек с нарисованными на нем плывущими утятками. Толя узнал ковшечек, в котором ему в раннем детстве варили кашу. В родительском доме ничего зря не выбрасывалось, правда, выбрасывать-то было нечего.

Жили Игнатьевы небогато, хотя концы с концами сводили, даже сына выучили, чем и отец, и мама очень гордились. Правда, образование пока ничем не помогло Толе в жизни, но диплом грел родительские души.

— Ух ты! — удивился он, увидев ковшик. — Где это ты откопала?

— Так он у нас всегда и был, — пояснила мама. — Только в столе стоял. А теперь вот сгодился Фроське рыбу варить.

Мама поставила ковшичек на кухонный стол.

Фроську несколько лет назад принес домой Толя. Однажды, возвращаясь домой холодным ноябрьским вечером, он услышал во дворе пронзительно громкий, требовательный «мяв». Котенок месяцев четырех-пяти от роду орал благим матом, жалуясь на жизнь. Он сидел на траве, подернутой инеем, приподнимая то одну, то другую лапу, вытягивал шею и глядел на Толю, требуя сочувствия.

— Эх ты, карапуз! — сказал Толя, взяв на руки этот грязный серый меховой комок.

Он почувствовал, как дрожит замерзшая животинка, как бьется котеночье сердце. Котенок, пытаясь заглянуть в лицо парню, смешно и трогательно поворачивал голову, поскольку смотреть прямо не мог, мешала корка грязи и гноя, почти закрывавшая глаза. Рассмотрев лицо спасителя, котенок что-то для себя решил и попытался дотянуться до шеи парня, укутанной шарфом. А может, он просто чувствовал исходившее от человека тепло и хотел хоть чуть-чуть согреться.

Толе стало жалко котенка, и он, долго не раздумывая, взял его с собой.

Родители новому члену семьи обрадовались. Раньше, когда Толя был маленький, в доме жила кошка Марфа, но она давно умерла от старости. Кошки, насколько знал Толя, всегда жили и в семьях родителей. В те времена, когда жить только для себя было стыдно, люди, которым и самим едва хватало на скудную пищу, все же стремились помогать всем, кто в помощи нуждался. А кошки всегда нуждаются в человеческой помощи, в тепле, в доме, да и сами они будто делятся своим теплом с теми, кто их приютил. Довольное урчание сидящей на коленках кошки наполняет жизнь покоем, отгоняет дурные мысли о непредсказуемости будущего и примиряет с действительностью, какой бы она ни была.

— Ну-у, опять мне забот привалило! — сказала мама, увидев нового жильца. Сказала беззлобно, сразу примирившись с тем, что в доме появилось еще одно существо, нуждающееся в ее любви и заботе.

Котенок оказался девочкой. Сидя у мамы на руках, он морщил носик, принюхиваясь к новым запахам, и продолжал орать. Отец тоже взглянул на серо-белый грязный комочек, почесал котенка за ушком и сказал:

— Помыть его надо.

Мама подняла котенка, держа под передние лапы. Он вытянулся — сам тощий, а пузо большое, круглое. На подушечках передних лап были темно-коричневые корочки.

— Лапы подморозил, — определила мама. — Кормить и лечить.

Она опустила котенка на пол, и тот, видимо, поняв, что бояться в этом доме нечего, даже не стал прятаться. Неспешно пошел обнюхивать углы, прихрамывая, останавливался, приподнимая больные лапы.

Кошачьей еды в доме не было. Мама положила на блюдечко то, чем собирались ужинать сами: рис с тушеной капустой, сдобренный ложкой тушенки.

Котенок, почуяв запах еды, резво заковылял к блюду и принялся уписывать еду за обе щеки, чавкая при этом на весь дом.

— Фроська, — сказала мама. — Невоспитанная деревенская Фроська.

— Ефросинья, стало быть, — уточнил папа.

После ужина занялись лечением, несмотря на нежелание Фроськи подвергаться процедурам. Мама вытащила из домашней аптечки глазные капли, мазь.

— Это же для людей? — спросил Толя.

— А что, кошка — не человек? — засмеялась мама.

Фроська пыталась вывернуться, закрывала глаза и прятала морду, когда в ее глазенки мама опытной рукой закапывала лекарство. Не сумев вырваться, кошка попыталась ухватить маму за палец зубками, но мама прикрикнула с притворной строгостью:

— Ну-ка, тихо сиди!

И кошка смирилась, дотерпела, а потом направила в угол и принялась вылизываться. Время от времени посматривала на маму с недо-

вольным видом, давая понять, что ей такая забота не понравилась. Вышло так, что Фроська быстро усвоила тот же стиль общения с мамой, которого придерживались и мужчины. Ухаживать за собой позволяла, изображая при этом, что делает маме одолжение.

Мамино лечение пошло на пользу. Уже дня через три глазки у Фроськи перестали гноиться, постепенно зажили лапы, хотя она еще долго ступала на них с осторожностью, помня о когда-то пережитой боли. Только пузо у нее так и осталось надутым шариком навсегда. Фроська росла, пузо тоже росло, напоминая о детском рахите.

Мама сняла с ковшичка крышку, и по кухне поплыл запах вареной ряпушки. Мама принялась ловко отделять рыбную мякоть от костей.

— Надо Фросеньку покормить, — сказала она.

Кошка давно выросла и уже ничем не напоминала того нескладного вечно голодного котенка, каким некогда была. Мама разбаловала ее так же, как и своих мужчин. Кушать в кухне из блюдечка кошка отказывалась. Она вальяжно растянулась на диване в комнате и ожидала, когда ей поднесут угощение.

Мама положила кусочки рыбы на ладошку, подула на них и пошла в комнату. Теперь Фроська ела исключительно из рук хозяйки, да и то позволяла себе капризничать, недовольно отворачивая морду.

Толя пошел за мамой посмотреть на процесс кормления.

— Фросенька, миленькая, кушай, моя хорошая! — приговаривала мама, поднося кусочки рыбы к самому носу кошки, словно кормила малыша-капризулю. Фроська нехотя брала кусочки с ладони.

— Вот хамка! — возмутился Толя. — Надо ее на улицу прогнать, пусть месяцок на помойке поживет.

— Не-ет, не надо нас на помойку! — возразила мама, поглаживая домашнюю царицу. — Мы хорошие!

Толя вернулся доедать борщ. Отец уже поел и сидел у окна, покуривая.

— Какие новости? — спросил он.

— Все как обычно, — коротко ответил Толя.

Отец вздохнул и завел свою песню о том, что сын валяет дурака, ничего не делает ни для се-

бя, ни для людей. Он не ругал Толю, просто констатировал факт.

— Вот ты рисуешь эту рекламу, а кому она нужна? Рекламу есть не будешь! Мы хоть на заводах работали, а вы все в торговле. Продают-продают, а где берут? Из-за границы всякую дрянь везут, там не надо, так они нам свое дерьмо подсовывают...

Толя не возражал, поскольку ему уже давно надоело это делать. Более того, он даже был согласен с отцом, и если отбросить обиду, рождающуюся от того, что отец, принижая его труд, принижал и его, то спорить было трудно.

— Вот потому тебе и платят мало, что ничего не производится, — нудил отец. — Платить-то не с чего. Каждый накрутит свои наценки на товар, с того и живет. Кто понаглее, тот побольше накрутит, а остальные крохи получают.

Толя действительно зарабатывал мало. По окончании университета он обнаружил, что выпускники исторического факультета никому не нужны. В школу он не пытался идти, в науку не мог, поскольку даже не предполагал своего будущего в науке. Пока родители платили за его учебу и кормили его, он не задумывался о том, что будет делать дальше. Казалось, все как-то само собой устроится. Будет работать, зарплату получать. Только где работать, кем — не знал. Если идешь не зная куда, то и придешь неведомо к чему.

Толя подался в рекламные агенты, пригравшись в одной газетке. Больших денег это ему не принесло. Некоторый интерес у Толи вызвала работа верстальщика. Она казалась Толе сродни работе художника, когда на ограниченном пространстве можно было играть шрифтами и изображениями, добиваясь максимального эффекта от рекламы. Толя часто сидел с верстальщиком, который и обучил его премудростям работы. И когда верстальщик уехал в другой город, Толя был единственным претендентом на его место. Редактор, он же и директор газетки, не колебался. Как агент Толя себя не проявил, ему было трудно общаться с руководителями компаний и специалистами, отвечавшими за рекламу, слишком обидно было выслушивать отказы и терпеть капризы. Но его рекламные макеты заказчикам нравились, общаться с компьютером оказалось легче, чем с людьми.

Толя сам попросился на новую работу. Редактор для вида поморщился, стал говорить об отсутствии опыта, о большом количестве безработных верстальщиков на рынке труда. Все это позволило ему сэкономить, положив зарплату меньшую, чем получал Толя предшественник. Спорить Толя не стал, понимая, что все равно ничего не сумеет добиться.

Зарплаты и помощи, которую выкраивали родители из своих пенсий, Толе хватало на то, чтобы оплачивать жилье и не ущемлять себя в привычке много есть. Впрочем, чуть не каждый день он заходил после работы к родителям, где его всегда ждал обед. Родители питались скромно, суп на мясной косточке, гречка, рис, овощи. Но для Толи мама приберегала в холодильнике кусочки колбаски, сосиску. И сейчас Толя жевал бутерброд с колбасой, запивая его чаем.

— Разучились работать, не умеют и не хотят, — продолжал свои поучения отец. — Вот раньше...

Толя устал это слушать:

— Да ладно, папа. Вы и работали, да богачами не стали. И в ваше время народ из-под палки работать заставляли, не все энтузиастами были.

— Это верно, не стали, — согласился отец. — Но тебя выучили. А что касается палки, так, может, это и не вредно для лодырей-то? Многим палка нужна, чтобы работали.

Мама, скормив ряпушку Фроське, вернулась в кухню.

— Нашел колбаску? — радостно спросила она. — Вот молодец, сынулька!

Толя еще немного посидел у родителей, а потом отправился домой. Не сказать, что ему домой очень хотелось. В одинокой квартире ему было скучно, но и у родителей не веселее. Одни и те же пенсионерские темы, вокруг которых велись разговоры, давно навязли в ушах. Толя любил родителей, но знал почти каждое слово, которое мог от них услышать. Зашел, покушал, убедился, что со стариками все в порядке, и хорошо.

Март подходил к концу, но зима не собиралась покидать улицы северного города. Дневные оттепели сменялись вечерними заморозками, со стороны озера, на берегу которого стоял Арельск, задувал ветер. Толя поднял воротник курточки, вжал голову в плечи, укрывая воротником щеки. На улице было неуютно. Сунул ру-

ки в карманы и нащупал какую-то бумажку. Так и есть, мама, не говоря ни слова, положила сыну в карман купюру.

Толя подумал, что надо бы вернуть деньги, родители и так много ему помогают. Решил убрать подальше подаренную мамой купюру и в следующий раз прийти к родителям с гостинцами.

Он шел мимо недавно открывшегося бара. Как раз сегодня на работе Толя верстал объявление об открытии, которое предполагалось опубликовать в газетке. «Теплые вечера в приятной компании» — гласило объявление. За прозрачной дверью гостеприимно горел свет, и Толя не отказал себе в желании заглянуть на огонек. Толкнул дверь, шагнул и оказался окутанным приятным теплом. Негромкая музыка и полумрак, рассеиваемый неброскими светильниками над столиками, создавали интимную атмосферу, в которую было приятно погрузиться.

В общем-то, заведение не было новым. Просто владельцы примерно каждые два года меняли название и интерьер. Практически одни и те же люди были посетителями городских баров. Когда открывалось новое заведение, эти любители ночной жизни перемещались туда. Открывать все время новое заведение было делом невыгодным, проще поменять название, интерьер, концепцию. Скажем, прежде по вечерам в пятницу и субботу приглашали популярного в городе пианиста, а стали приглашать не менее популярного гитариста, в обычные дни с дисков звучал инструментал, а теперь — французский шансон. Меняли цвет стен, расположение барной стойки и столиков. Таких изменений хватало для того, чтобы публика считала бар новым.

Толя сдал куртку в гардероб, переложив кошелек в карман брюк, отчего тот некрасиво оттопырился, пригладил ладонью волосы, примятые шапочкой, и прошел внутрь. Новый интерьер показался Толе уютным. Вдоль стены бара появилось несколько кабинок, в которых можно было отгородиться от остальной публики тяжелыми бордовыми шторами. В углах появились два антикварных буфета. Присмотревшись, Толя понял, что на самом деле буфеты были не старинными, а сделанными под старину, но это не портило общего впечатления.

Толя не пошел в кабинку, ему не с кем было

уединяться, напротив, хотелось увидеть людей, почувствовать себя не одиноким. Но бар был почти пуст, видимо, большое объявление «Мы открылись!», повешенное рядом с входной дверью, еще не успело привлечь внимание публики. За одним из столиков у стены сидела длинноволосая шатенка с узким лицом. На столике стоял бокал с трубочкой. Сок или коктейль. Девушка сидела, спокойно слушая мягкую музыку, лившуюся из колонок над барной стойкой. Похоже было, что она кого-то или чего-то ожидала, никуда не торопилась.

Толя занял столик неподалеку, чтобы иметь возможность рассмотреть девушку. Ему такие нравились, притягивала противоположность. Нравились узкие лица и бедра, выгнутые, даже чуть длинные носы. Правда, ни разу в жизни у него не было такой девушки. Они нравились ему на расстоянии, попытки познакомиться Толя не предпринимал. Ему было стыдно за себя, казалось, что ни одна девушка не обратит на него внимания, не воспримет серьезно. Быть девственником в двадцать пять лет довольно странно, но что поделаешь, если собственная внешность вызывает досаду и злость.

Толя всегда был невысоким толстым мальчиком. Вот и сейчас, усаживаясь, ему пришлось слегка подвинуть столик, чтобы вместить живот. А усевшись на низенький диванчик, он понял, что девушка выше его. Она сидела на таком же мягком уютном диванчике, но возвышалась над столом, а Толя, можно сказать, утонул в диване. Он выпрямился, пододвинулся к столу, но все равно с досадой подумал о своем низком росте.

Толя хотел выпить чашку кофе, чтобы не тратить много денег, но, когда к столику подошла официантка в белом фартучке, повязанном поверх светло-коричневого платья, гармонировавшего с темными стенами бара, он почти неожиданно для себя заказал не только кофе, но и сто граммов коньяку.

— Самого простого, обычного, недорогого, — уточнил он, раздумывая, сколько может стоить в этом заведении коньяк.

Официантка повторила заказ и отошла, а Толя, уставший сидеть прямо, откинулся на спинку дивана, подавшуюся под его спиной. Живот, обтянутый серым дешевым пуловером, выпирал. Сидеть было уютно, но Толя злился на себя

за свой рост. Шатенка скользнула по нему глазами, но не проявила никакого интереса, отчего Толя совершенно расстроился.

Он сидел и думал, удастся ли ему вообще хоть когда-нибудь стать другим. Стать успешным, привлекать внимание девушек. Стать высоким и стройным... Он вяло улыбнулся своим мыслям. Высоким ему не стать никогда, но пусть хоть стройным. А еще зарабатывать много денег. Ну, пусть не очень много, но так, чтобы не беспокоиться, заказывая сто граммов коньяка.

Толя представил, как он мог бы заходить в такой бар, небрежно сбрасывать куртку, проходить, делая комплименты знакомым официанткам, которые подлетали бы к нему:

— Ваш любимый столик свободен! Вам как обычно?

Он садился бы, и на него бросали бы заинтересованные взгляды девушки...

Дальше этого мысли не шли. Он как-то терялся, не знал, что собственно должно быть дальше. Даже на предполагаемый вопрос: «Вам как обычно?» ответить было нечего. А как обычно? Толе хотелось быть другим и жизни хотелось другой, но он не знал, какой именно.

В последнее время он стал интересоваться публикациями на тему изменения собственной жизни. Доморощенный психолог, которого публиковала газетка для привлечения читателей, утверждал, что успешным человеком стать легко. Для этого достаточно ощущать себя успешным. Необходимо было представить нового себя во всех подробностях. Вот ведь можно же изменить интерьер бара, и тот действительно выглядел новым. Незнакомым. Почему человек не может также? Может! Но у Толи не получалось.

Проблема была в том, что он довольно смутно представлял себе успешного человека. Должен успешный человек быть уверенным в себе? Да, но как? Как мог Толя ощутить, что он интересен девушкам, если те даже не смотрели на него. Как он мог почувствовать себя богатым, если кошелек был вечно пуст?

Коньяк потихоньку делал свое дело. Парень сразу попросил и оплатил счет, а теперь расслабился, попивая коньяк, слушал негромкую музыку. В какой-то момент ему показалось, что девушка не испытывает к нему неприязни, напротив, он вроде бы уловил в ее мимолет-

ном взгляде какой-то интерес. Он вытащил из кармана кошелек. Чтобы это сделать, ему пришлось встать, поскольку в сидячем положении брюки плотно обжимали жирные бедра. Посчитав деньги, он обрадовался. Он совсем забыл о подаренной мамой купюре. Теперь хватало и еще на сто граммов, и на задуманное Толей дело, и еще оставалось.

Толя помахал официантке. Та, хоть в баре и не было больше посетителей, все же выждала несколько минут, прежде чем подойти к клиенту. Толя, которому показалось, что официантка подчеркивает этим его незначительность, ничемность, хотел было опечалиться по этому поводу, но раздумал. Его вдохновила появившаяся идея.

Он заказал для себя вторую порцию коньяка и, понизив голос, попросил принести мороженое на столик шатенке. Официантка взглянула на него насмешливо, однако отправилась выполнять заказ.

Толя представил, как удивится симпатичная шатенка, как улыбнется ему, а он поднимет свой бокал, давая понять, что пьет в ее честь. А потом они познакомятся, будут долго разговаривать, а после они... Толя тут же споткнулся в своих мечтах, поскольку уже не знал, о чем они будут говорить, тем более весьма смутно представлял, что будет позже, но он решил действовать по ситуации.

Коньяк появился перед ним, официантка принесла шатенке мороженое:

— Для вас мороженое попросил вон тот молодой человек!

Толя впился взглядом в лицо девушки. Он уже ждал улыбки, но шатенка даже не взглянула в его сторону.

— Спасибо, — недовольно процедила она официантке. — Отнесите, пожалуйста, заказ тому, кто его сделал.

Когда креманка с белыми, облитыми красным вишневым соусом шарами очутилась перед Толей, он не смог заставить себя посмотреть на официантку. Ему казалось, что над ним будут смеяться, он сидел покрасневший от стыда и обиженный на холодную шатенку. Хорошо, что в баре больше не было посетителей и его позор происходил не на глазах у многочисленной публики. Он подумал, что больше никогда не зайдет в этот бар, чтобы не стать посмешищем, чтобы

не давать возможность официанткам смеяться над ним и сплетничать.

Одним глотком допив коньяк, он расплатился и ринулся прочь, в гардероб. Схватил куртку и выскочил на улицу, одеваясь на ходу.

Игнатьев шел, не разбирая дороги. Кажется, толкнул прохожего, но только буркнул: «Простите» и, не оборачиваясь, поспешил дальше. Толе показалось, что вслед несутся ругательства, но он лишь ускорил шаги. Перед глазами стояло лицо шатенки, скривившееся в презрительной гримасе. Толе хотелось плакать от обиды и стыда, и слезы выступили на глазах. «Это от ветра», — подумал Толя, вытирая глаза кулаком.

Идти до дома было недолго, около трех кварталов. По пути располагался магазин, куда Толя свернул, почти не отдавая себе в этом отчета.

Там он прошел прямо в винный отдел, где на полках стояли разнообразные напитки, с помощью которых человечество давно научилось сглаживать горе.

Кассирша замешкалась, отвлеклась на разговор с продавщицей как раз тогда, когда к кассе подошел Толя. Он зло подумал, что и здесь его унижают. Девчонка-ровесница, могла бы посмотреть на парня, но нет, отвернулась, базарит с такой же дурочкой.

— Побыстрее, пожалуйста! — резко сказал Толя.

Кассирша повернулась к нему, недовольно пожала плечами и отсчитала сдачу.

Выйдя из магазина, Толя подумал, что надо было купить и пакет, а не только водку, но было поздно. Он сунул бутылку в широкий карман куртки и, прикрывая рукой, двинулся в сторону дома.

На улице темнело, никто не обращал на Игнатьева внимания, и он был доволен одиночеством, в котором так сладко жалеть себя. Толя почти дошел до дома, когда на перекрестке кто-то схватил его за руку:

— Ты что, Толик, друзей не узнаешь?

Толя узнал однокурсника, выдавил улыбку.

— Привет, Саша!

— Ну, рассказывай, где ты? Как? Не женился?

Толя очень коротко рассказал о том, где работает.

— А, верстаком, значит, работаешь? — уточнил Саша. — Это хорошо! Диктуй, старик, телефон.

Он вытащил свой мобильник, набрал надиктованный Толей номер.

— Прости, старик, сейчас некогда. Созвонимся!

Саша махнул рукой и побежал вниз по улице. Толя двинулся в том же направлении, но медленнее. Он был рад, что однокурсник спешил, делиться своим горем не хотелось ни с кем.

Игнатьев уже подходил к своему дому, когда вспомнил о том, что выпить-то он взял, а закусь будет нечем. Дома у него были пряники и конфеты, булка, в холодильнике лежали яйца и сыр, но Толя знал, что под водку захочется мяса. Дом его стоял на центральной улице города, тетушка когда-то путем долгих обменов получила такую квартиру в престижном месте. Был у нее такой пункт — жить в центре. Квартирка не от-

личалась большой площадью, да и сам дом давно нуждался в ремонте, поскольку городские власти выделяли деньги лишь на ремонт фасадов, не желая пугать туристов. Но тетушка, чья мечта исполнилась, была счастлива. Правда, прожила в квартирке лет пять, не более. Но в эти пять лет она выглядела как гранд-дама, владелица дворца или, по крайней мере, родового поместья. Толя помнил, что у нее после переезда всегда было хорошее настроение. Тетушка охотно тратила свою пенсию на ремонт, меняла сантехнику и окна, приглашала родных порадоваться вместе с ней и не скрывала, что собирается оставить квартиру Толе.

Рядом с домом на центральном проспекте находилась остановка общественного транспорта, а на остановке, как водится, ларек, за стеклами которого разноцветьем этикеток приковывали взгляд бутылки с пивом и лимонадом, шоколад и конфеты, консервы и сигареты — весь ларечный набор. Толя подошел к ларьку и, не раздумывая долго, купил банку тушенки и два стаканчика пюре быстрого приготовления со вкусом ветчины. Об ужине можно было не беспокоиться.

Поднявшись на третий этаж, самый престижный, по словам покойной тетушки, Толя вошел в свое жилище. Прежде этот дом был чем-то вроде общежития, о чем напоминали длинные коридоры, вдоль которых располагались двери квартир. Толя не знал, когда дом реконструировали, но было это уже давно. Теперь жители дома имели благоустроенные квартиры, пусть маленькие, зато в центре.

Толя еле умещался в прихожей, снимая куртку, ему было трудно поворачиваться на этом пятке. Тяжело вздохнув, словно готовясь к тяжелому испытанию, нагнулся и расшнуровал туфли. Прошел в кухню, видневшуюся из прихожей. Кухней это пространство можно было именовать лишь условно, скорее, это был угол, в котором помещались плита, холодильник, мойка, обеденный стол и табуретка. На холодильнике стоял маленький телевизор.

Широкий проем вел в комнату, тоже миниатюрную. Толя оставил в квартире теткин мебель, подобранную с учетом маленькой площади. Только кровать, на которой тетушка умерла,

выбросил. Не смог пересилить в себе мистический ужас, который она ему внушала. Постелил высокий матрас на полу, на нем и спал. Такая квартира, наверное, подошла бы минималистам-японцам, маленьким и щуплым, но Толя не был ни щуплым, ни японцем. Когда он садился за стол, то табурет оказывался чуть ли не в коридоре возле двери в ванную, и с его места были видны оба окна — и в кухне, и в комнате — выходящие в тихий двор. Сам дом был большим с толстыми кирпичными стенами. Если бы квартира Толи была обращена на центральный проспект, в ней было бы шумно, но со стороны двора шумы, которые мешали бы хозяину, не доносились.

Толя поставил покупки на стол, задвинул под него табурет и, стоя на освободившемся месте, открыл холодильник. Он по привычке втянул живот, чтобы дверца могла открыться, вытащил яйца и сыр. Вскоре на плите шипела яичница с тушенкой, пюре, залитое кипятком, набухало, а Толя открыл бутылку, достал из шкафчика хрустальную рюмочку и, наполнив, опрокинул в себя жгучую жидкость.

Он прислушался к своим ощущениям, но тут же икнул. Он не умел пить водку, не запивая чем-либо безалкогольным, хоть водой из-под крана. Когда бы ни выпил, горло схватывал спазм и начиналась икота. Как назло, кувшин для холодного кипятка пуст. Игнатьев посетовал на себя за то, что сразу включил чайник, не перелив из него остывшую кипяченую воду в кувшин. Пришлось запивать водой из-под крана.

Икота прекратилась. Толя поставил на подставку сковородку с яичницей, придвинул пюре, налил в бокал чаю и уселся за стол. Предвкушение ужина чуть-чуть улучшило его настроение, но икота снова его испортила, и Толя готовился пить и жалеть себя.

Он, конечно, не раз слышал о том, что водка — лучший антидепрессант, но уже убедился, что таким образом она действует, только если пьющий сам настроен на то, чтобы развеяться, развлечься. А если человек погружен в горе, то водка только усилит это горе. Зато как приятно бывает жалеть себя! Укрываешься сладкой жалостью, словно укутываешься теплым одеялом в холода, прячешься в нее, получая индугенцию на все, что бы ни совершил.

Но сейчас жалость к себе почему-то не воз-

никла в Толиной душе, напротив, ему казалось, что и жалости он не заслуживает. Толя вновь и вновь проигрывал в голове историю, разыгравшуюся в баре, мрачнел все больше и больше. Он, уже не чувствуя вкуса, заталкивал в себя еду и презирал себя за то, что ест. Ведь недавно же ел мамин борщ! Но он ничего не мог с собой поделаться, он заедал презрение к себе и презирал себя за то, что ест. Это был заколдованный круг, в котором он увязал с годами все больше и больше.

Сейчас, именно сегодня, пьянея, он осознал беспросветность своего положения. Он не видел выхода. Неудачник, лузер, дерьмо... Это были самые мягкие слова, которые он отпускал в свой адрес. Мерзкий вкус жирной тушенки наполнял рот, он пытался смыть этот вкус водкой, но водка сама пахла ацетоном, он запивал ее сладким чаем, а потом снова заталкивал в себя то пюре, то яичницу...

Он не сразу услышал звонок мобильного, с трудом сфокусировал зрение на экране. Звонила мама, нужно было ответить, поскольку мама не прекратит звонить и волноваться, пока не убедится, что с сыном все хорошо.

— Толенька, как твои дела?

— Хорошо, — пробормотал Игнатьев.

— Толенька, ты что, выпил? — обеспокоенно спросила мама, сразу уловившая это по голосу сына. — С кем ты выпил?

— С Сашей, — соврал он. — Это мой однокурсник.

— Саша Медведков? — уточнила мама. — Ты его встретил? Как он?

— Да, мама, все хорошо, — попытался Толя свернуть разговор.

Мама почувствовала его состояние:

— Толенька, тебе плохо? Ты уже дома? Давай я сейчас прибегу!

— Нет-нет! — почти прокричал он. — Я уже спать ложусь!

— Ложись-ложись, Толенька! Завтра на работу. Не пей больше!

— Хорошо, мама.

— Я тебе позвоню утром.

— Хорошо, мама.

— Спокойной ночи, сынулька.

— Да, пока...

Толя положил телефон и снова наполнил

рюмку. Ему стало еще хуже после маминого звонка. Постоянная опека его раздражала.

— Б.., не мужик, а хрень какая-то, — пробормотал он.

Игнатьев с трудом поднялся, качнув стол, и начал раздеваться. Он почувствовал тошноту и решил принять душ, чтобы привести себя в порядок. Стащил пуловер и рубашку, бросив их на пол в комнату, запутался в брюках и чуть не грохнулся, с трудом удержавшись, схватился за стол.

В ванной он подставил голову под холодную воду. Тело плохо слушалось, и он решил отложить душ до утра. Холодная вода чуть прояснила мысли, но не улучшила настроения. Он смотрел на себя в большое зеркало, покрывавшее стену над ванной. В зеркале отражалась оплывшая фигура. Толя схватил себя за бока, оттягивая жирные складки, с ненавистью рассматривал их, обхватил толстые груди:

— Этой твари надо лифчик носить, — пробормотал он заплетающимся языком. — Падаль! Урод!

Он сжал кулак и остервенело ударил себя по скуле. Что-то в скуле хрустнуло, почему-то отозвался болью затылок. Толя обрадовался этой боли, ему казалось, что с таким парнем, как он, и нужно поступать так, что другого обращения он не заслуживает. Он ударил себя снова, и еще раз, и еще, принялся наносить беспорядочные удары по лицу, по ушам. Было больно, но он ненавидел себя, хотел избить ту мразь, какой себе казался...

Толя ошибался. Будь он сегодня не так расстроен или не так пьян, он попытался бы себя успокоить, взять в руки. Уже не раз случалось, что из подобного настроения он выходил путем уговоров. Эти мысли ошибочны, сказал бы он себе, может быть, все в той или иной степени страдают от таких заблуждений. Тот, кем мы себе кажемся, и тот, кем мы являемся на самом деле, — это два разных человека. Иногда эти люди даже незнакомы, столь велико между ними различие. Только для одних эта ошибка — великое благо, а для других — источник постоянных горестей. Везет, как правило, тем, кто имеет о себе завышенное мнение, кто смотрит на себя в зеркало и умиляется своему изображению, гордится собой. Такой человек выглядит уверенно, у него хорошее настроение, и он распространяет эту уверенность и на других.

Конечно, встречают по одежке. Но еще и по тому встречают, какое выражение лица ты на себя надел, по незримым флюидам, которые ты распространяешь вокруг.

Эти флюиды проникают неведомым образом в мозг другого человека, и он начинает смотреть на тебя твоими глазами. Причем флюиды более важны, чем одежда. Ты можешь одеться с иголочки, но если в твоих глазах не светится уверенность в себе, уважение и любовь к себе, то и окружающие вряд ли воспримут тебя как человека, достойного уважения и любви. И если ты склонен вытирать об себя ноги, словно о грязный половик, лежащий перед дверью, то незримо ты даешь понять окружающим, что о тебя можно вытирать ноги. Ты не просто позволяешь это делать, а даже как бы подталкиваешь людей к этому, может быть, неосознанно заставляешь. И они неосознанно следуют этому сигналу. Или тебе кажется, что следуют, и тогда каждое их действие истолковывается тобой, как действие, унижающее тебя, подчеркивающее твою ничтожность. Благословенны те, кто от рождения восторгается собой. Горе тем, кто себя не любит.

Все это, возможно, вновь вернуло бы Игнатьеву если не благодушное настроение, то хотя бы нейтральное, с которым можно продолжать жить. Но алкоголь сделал свое дело, и Толя даже не подумал о том, что нужно бы прекратить психологическое разрушение себя.

Толя не был уродливым, множество таких молодых людей ходит по улицам и не переживает из-за внешности. Да, он был толстым всегда, сколько себя помнил. Бывало, еще в школе его дразнили жирным, но постепенно насмешки прекратились, просто потому, что насмешники подросли и уже другие качества личности стали важными. Но Игнатьев не видел, за что его можно было бы уважать, тем более — любить. Будь рядом с ним человек более опытный, он, наверное, нашел бы нужные слова, сумел бы, как минимум, примирить Толю реального с Толей, каким он себя видел. Но такого человека рядом не было. Он даже родителям не мог рассказать о своих страданиях, поскольку был уверен, что они его не поймут. Да и что они скажут? Папа станет говорить о том, как важно работать и приносить пользу обществу. Мама попытается накормить, погладит, поцелует. Но разве это по-

может? Толя знал, что родители его любят, был уверен в их любви, но сам себя полюбить не мог.

Сегодня Толя был жалок. Он ненавидел себя за лишний вес и жирное тело, за маленькую зарплату и несамостоятельность, за неумение общаться с девушками и отсутствие перспектив. Решил, что жизнь зашла в тупик. Бывали и прежде грустные дни. Но в юном возрасте они переживаются проще. Кажется, вот вырастешь, станешь взрослее, начнется какая-то другая, интересная, наполненная событиями и смыслом жизнь. И Толя учился в школе, получал высшее образование и думал, что потом-то все изменится...

Но ничего не изменилось. За учебой, где он не блистал, началась серая жизнь. Офис с вечно недовольным начальником, работа с девяти до шести. Как-то так сложилось, что у Игнатьева не было потребности в друзьях. Он много читал, что и позволяло ему учиться и переползть из класса в класс, с курса на курс. Общался, конечно, с ребятами, но близкого друга не завел. Однажды, еще в школе, вроде бы появился у него товарищ, с которым они вместе гуляли, коллекционировали восточные боевики на кассетах. Но как-то раз отправились купаться, и товарищ, разглядев выпирающие груди на бледно-розовом теле приятеля, отпустил шутку насчет бюстгальтера. Наверное, мальчишка не хотел обидеть Толю. Он просто не осознавал, насколько она может задеть товарища. И Толя не показал вида, что обиделся, но их дружба после этого как-то сама собой сошла на нет.

После этого Толя не предпринимал попыток к сближению с кем-либо. И когда мальчишки уже вовсю интересовались девочками, Толя участвовал в их разговорах, вроде бы давая понять, что и у него какой-никакой опыт в этом деле есть, но не пытался найти подругу, считая, что такой, как он, заинтересовать женский пол не сможет.

На студенческих вечеринках он иногда приглашал девушек танцевать, но был робок, не шел дальше, и девчонки теряли к нему интерес. Толя приписывал это своей внешности и утверждался в своей никчемности все больше. Он будто бы махнул на себя рукой. Начал считать, что недостойн не только внимания женского пола, но и вообще ничего хорошего. Работу нашел случайно, квартира досталась

даром. Перед ним вдруг открылось, что впереди его не ждет больше ничего. И от злости за это он напоследок сильно ударил себя в выпирающий живот. Мышцы пресса рефлекторно напряглись, и удар оказался не таким мощным, какой ему хотелось бы получить.

Он еще раз взглянул на себя в зеркало, подумал, что завтра на лице могут появиться синяки, повернулся резко. Голова закружилась, ему стало плохо. Он склонился над унитазом, содрогаясь в мучительных спазмах...

Еле поднявшись, дошел до матраса, который служил ему постелью, успел подумать: «Сплю как собака» и провалился в тяжелый сон без сновидений.

...Толю разбудил звонок мобильного. Он не сразу сумел отогнать хмарь, наполнявшую голову. Мобильник продолжал звонить, и этот звук доносился поначалу, как сквозь подушку, пробивая постепенно дорожку к мозгу. Сознание возвращалось. Толя тяжело поднялся, добрал до кухни, взял со стола мобильник.

— Да, мама, — язык в сухом рту ворочался камнем. — Да, проснулся.

— Толенька, как ты себя чувствуешь? У тебя все хорошо? Ты что, опоздал на работу?

— Нет, мама, я отпросился. Мне сегодня к одиннадцати.

— Толенька, уже без пятнадцати!

— Я уже выхожу, мама. Пока. У меня все хорошо.

Толя с отвращением посмотрел на остатки вчерашнего ужина. Жир застыл на сковородке и покрывал ее грязно-белым слоем, пачкая куски яичницы. В стаканчике застыло зеленоватое пюре. Бутылка водки была на треть полна, но Толю чуть не стошнило, когда он подумал, что можно опохмелиться. Удовольствия похмелья он не понимал. Зачем пить, если еще и так опьянение не прошло.

Толя набрал в бокал воды из-под крана, глотнул. Вода была теплой и противной. Толя сплюнул в мойку, пропустил воду и повторил попытку. Стало чуть легче.

Душ почти примирил его с мыслью о наступившем дне. Над сочинением оправданий, которые требовалось предъявить редактору, думать не хотелось. Зеркало безжалостно показы-

вало последствия вчерашней пьянки. Глаза были красными, под левым глазом желтел небольшой синяк, бледные обвислые щеки походили на лягушачье брюхо.

Есть не хотелось, но Толя по опыту знал, что затолкать в себя что-либо необходимо. Организм, получив пищу, будет вынужден включиться в работу, кровь побежит быстрее, унося остатки алкоголя. Игнатъев выложил на сковородку остатки пюре и подогрел. Вскипятил воду, бросил в бокал сразу два чайных пакетика. Заставил себя позавтракать. С каждой минутой становилось легче.

Холодный утренний воздух отрезвлял. Пахло весной и новой жизнью. Игнатъев улыбнулся, вспомнив свои вчерашние беды. Правду говорят, что с любой проблемой надо переспать, утром взгляд меняется. Конечно, никаких принципиальных изменений не происходило, но уже то, что можно было шагать по весенним улицам в те часы, которые он обычно проводил в редакции за компьютером, приносило в жизнь пусть небольшие, но перемены, и давало надежду на продолжение этих перемен.

«Мы ждем перемен!» — прочел Игнатъев на плакате, перегордившем улицу. С плаката на Толю смотрел холерный молодой мужчина.

Эта уличная агитация с недавних пор вновь заполонила улицы Арельска. Город готовился к выборам депутатов местного Совета.

«Перемены — это хорошо, — подумал Толя. — Однако выборы здесь ни при чем».

Дорога занимала минут сорок, молодой организм быстро избавлялся от последствий отравления. Толя вдыхал воздух так, чтобы чувствовать его всем телом, и, выдыхая, освобождался от алкогольной дряни. Голова еще болела, но при этом была светлой, и наполнять ее переживаниями не хотелось.

Коллеги были на месте. В кабинете, где ваял свои рекламные шедевры Толя, трудились еще три верстальщика, и все три — женского пола. Когда Толя рассказал об этом родителям, папа усмехнулся: «Да ты в малинник залез!», а мама стала предупреждать, мол, не спеши дел надевать. Толя только отмахнулся.

Самой старшей среди верстальщиц была Ольга Федоровна, дама лет сорока, замужняя, воспитывающая двоих сорванцов. Все разговоры ее

крутились вокруг семьи, детских радостей и огорчений, школьных оценок и театральной студии, в которой занимались оба юных таланта.

Вторая верстальщица — Анечка — представляла собой хрупкое на вид, большеглазое длинноволосое существо с анемичным цветом лица. Анечка могла бы заинтересовать Игнатъева, если бы не была погружена в бесконечное выяснение отношений со своим бойфрендом. Как только выдавалась свободная минутка, она удалялась в коридор и названивала некоему Славе. Могла бы и не удаляться, поскольку ее резкий голос разносился по всему этажу. Толя искренне сочувствовал бедняге, которого нежное с виду существо подвергало постоянной критике. Беседы были примерно такие:

— Ты мне утром сказал «Пока!». Что ты имел в виду? Нет, я слышала твои интонации, они что-то подразумевали. Нет, любви в них не было, не надо считать меня дурочкой, я все прекрасно понимаю. Ты хотел сказать, что тебе не понравился фильм, на который мы с тобой вчера ходили. Нет, не я тебя потащила, я тебя никуда не таскаю, я только предложила, а ты согласился. Ну, и не надо было соглашаться, я не виновата, что ты над своим вкусом не работаешь...

Что удерживало бойфренда рядом с Анечкой, Игнатъев понять не мог.

Завершив телефонную беседу, Анечка шла в кабинет и принималась жаловаться на своего парня. Ольга Федоровна выслушивала жалобы с улыбкой мудрой бабушки, покачивала головой, высказывалась в том смысле, что в молодости чувства ярче и потому легкие облачка, затягивающие горизонт любви, порою кажутся тяжелыми черными тучами... Толя к этим беседам не прислушивался, считая, что мужчина не должен проявлять любопытство к бабским разговорам.

Анечка и Ольга Федоровна занимались, как правило, версткой газеты. А третья верстальщица — Люба, как и Толя, верстала рекламные блоки. Впрочем, газета постепенно развивалась в рекламное агентство, и Любе приходилось не только создавать шедевры для газетной полосы, но и макеты плакатов, баннеров, аншлагов.

Внешне Люба Толе не нравилась, она была небольшого росточка, как раз вровень с ним, и тоже полненькая. Люба вроде бы проявляла к Толе какой-то интерес. Но, будучи убежден-

ным в своей непригодности к общению с женщинами, Толя сразу взял несколько суровый тон с женщинами, больше молчал, сидел наспуленный, и даже если особой работы не было, делал вид, что очень занят. Люба, работавшая на верстке в газете прежде, чем Толя, поначалу попыталась давать ему советы. Толя, уже наслушавшись Анечкиных разговоров, представил, что Люба также будет приставать к нему с поучениями и обвинениями неизвестно в чем, и был с ней очень суров.

Девушка быстро сделала выводы. Возможно, женская сущность, подталкивающая ее к тому, чтобы нравиться мужчинам, заставила ее изменить поведение. Тогда она сама стала обращаться к Толе за советами. С молоком матери женщины впитывают нехитрые премудрости общения с мужчиной. Достаточно показать особи мужского пола, какой он умный, как высоко ценится его мнение, как, считай, мужчина уже находится под воздействием этого наркотика признания.

Но с Толей этот вариант не сработал. Он был настолько неуверен в себе, что не желал видеть интереса со стороны Любы. Кроме того, Толя был мужчиной с уязвленным самолюбием. И чтобы он мог примириться с миром, ему необходимо было получить очень увесистый аргумент. Он, наверное, мог бы измениться, если бы какая-то признанная красавица, модель с журнальной обложки сумела убедить его в своей безумной любви. Правда, скажем честно, завидовать этой модели не стал бы никто, слишком уж большие усилия нужно было предпринять, чтобы Толя в любовь к нему поверил.

Люба модель ничем не напоминала. Это была простая девушка, с негустыми волосами, толстеньким маленьким носиком и пухлыми бледными губами. Более того, тонкие жиденькие волосы не скрывали слегка торчащие ушки. Такая внешность наверняка не могла вселять уверенность в ее обладательницу, а потому, когда Толя, несмотря на изменение тактики, по-прежнему оставался суровым, даже грубоватым, Любочка приняла это как должное.

И все же Люба не оставила Игнатьева своим вниманием. Так сложилось, что именно она взяла на себя функции хозяйюшки в кабинете, ставила чайник, предлагала скинуться на печенюшки и сахар. Наполняя свою чашку, не забы-

вала спросить у Толи, будет ли он пить чай, и, поскольку он никогда не отказывался, сразу наливала и ему. Чай в кабинете пили в одиннадцать и в три часа. Часто и обедать оставались тут же, благо, директор разрешил им держать здесь микроволновку. В кабинете появлялись только рекламные агенты, которых тоже угощали чаем, а клиенты верстальщиков почти не навещали, поэтому запах домашнего супчика или разогретой сосиски никого не смущал.

Обычно носил с собой еду и Толя, покупая в магазине по дороге хлеб, сардельки и сыр. Пары больших бутербродов и пакетика бифидока ему хватало. От дневных чаепитий он тоже не отказывался и даже иногда приносил для себя и коллег пакетик пряников или недорогих конфет.

Когда Толя вошел в кабинет, три пары глаз уставились на него. Любочка, увидев синяк под глазом, всплеснула руками и ахнула. Ольга Федоровна вздохнула: «Эх, мужики! Не бережете вы себя!» Ее сорванцы прошлым вечером умудрились где-то подрасться и пришли домой в изорванной одежде, о чем она уже успела рассказать коллегам. Анечка только взглянула на Толю и тут же выскользнула в коридор звонить своему бойфренду.

— Что с тобой случилось? — обеспокоенно спросила Любочка, подходя к Толе.

— Упал, — ответил он, улыбнувшись.

Кабинет был невелик, Ольга Федоровна повела носом и спросила:

— Анатолий, а вы знаете, что алкоголь является причиной большинства сердечно-сосудистых заболеваний? Судя по всему, вчерашний вечер был у вас весьма интересным...

Любочка тоже почувствовала запах перегара. Она тут же включила чайник:

— У меня есть чай с мятой. Сейчас попьешь, мята отобьет запах. Только не выходи из кабинета, чтобы Сема тебя не увидел, а то будут неприятности. Он уже искал тебя.

Семой за глаза называли Сергея Семенова, редактора и директора газеты, человека неприятного во всех отношениях. С сотрудниками Сема часто вел себя по-хамски, что не мешало ему держать газету на плаву. Хозяйкой газеты была его жена, женщина в возрасте, успешно занимавшаяся оптовым бизнесом. Иногда она появлялась в редакции, и тогда

сотрудники могли видеть, как грубый Сема становился ручным и ласковым.

— Искал, значит, сходим, — проговорил Толя и взялся за ручку двери.

Люба попыталась остановить его, но он не слушал девушку. Предвкушение перемен, охватившее его по дороге на работу, только усиливалось, хотя Толя вряд ли мог отчетливо сформулировать, чего именно он хочет. Какая-то бравада руководила им, когда он открыл дверь редакторского кабинета.

Семенов утопал в мягком кресле с высокой спинкой. Он говорил по телефону, на безымянном пальце правой руки желтело широкое кольцо. Увидев Толю, он махнул рукой, давая понять, что занят, но Игнатъев вошел в кабинет и уселся в кресло напротив директорского стола.

— Хорошо, Сергей Петрович, как скажете. Сегодня все будет готово, — Семенов явно скомкал окончание разговора.

— Ты что, не видишь, что я занят? — недовольно спросил он Игнатъева. — В какой еще компании работник может так врываться в кабинет руководителя?

— А мне сказали, что вы меня искали, — заявил Толя.

Семенов, почувствовав неприятный запах, поморщился.

— Заказчик не утвердил твой макет. Нужно было срочно внести исправления, но тебя не было на месте. Пришлось отдать макет на переделку другим. Я бы хотел знать, почему ты позволяешь себе прогуливать и являться на работу пьяным.

Толе захотелось плюнуть в самоуверенное лицо Семенова, который рассматривал подчиненного с нескрываемым презрением. Игнатъев сам не понимал, что с ним творится, но этот незнакомый Толя начинал ему нравиться. Он будто стал дышать полной грудью, ощутил свободу.

— Невозможно прогулять работу и одновременно явиться на нее пьяным. Вы уж определитесь...

— Пошел вон! — крикнул редактор. — Я все могу понять, даже то, что тебе хочется поумничать. Но наглость я терпеть не на-

мерен! Иди проспись и знай, что ты оштрафован на 20 процентов!

Толя не ожидал такого сурового наказания. Штрафы были в ходу в редакции, их боялись, но не жаловались. Кому можно пожаловаться, когда официально платился положенный законом минимум, а остальные деньги выплачивались «черными». С этих, нигде не фигурировавших денег и взимались штрафы.

Потеря пятой части и без того небольшой зарплаты была сильным ударом для Толи. Настолько сильным, что он даже не подумал извиниться, не попытался что-либо объяснить, может быть, умолить снизить штраф. Игнатъев огорчился, но незнакомое прежде чувство свободы подтолкнуло к тому, что он только усугубил ситуацию:

— Ну и козел ты, Сема!

Семенов вскочил со своего кресла, обежал стол, стукнувшись об угол бедром, матюгнулся на бегу. Казалось, он хотел избить сотрудника, но это было не так. Семенов распахнул дверь кабинета:

— Пошел вон! Ты уволен!

Игнатьев не спеша вышел...

Еще не дойдя до двери кабинета, он услышал громкий, нарочито воодушевленный голос дамы-психологини, делившейся содержанием своего очередного опуса, который должен был увидеть свет в следующем номере газеты. Помимо рекламы, для привлечения интереса читателей газета печатала кроссворды, анекдоты, дачные советы и заметки психолога. Рядом со столом Ольги Федоровны стояла женщина с короткой стрижкой. Очки-консервы придавали ее лицу независимый вид.

— Если вам трудно заставить себя что-либо делать, нужно просто создать себе виртуального, мысленного наставника, учителя, у которого вы будете спрашивать совета, и следовать всем его наставлениям!

Увидев Толю, она широко улыбнулась, сразу включив его в число слушателей.

— Вот вы говорите, что вам трудно заставить себя ежевечерне проверять уроки у своих малышей...

— Я не говорю, что трудно заставить, я говорю, что некогда, — попыталась возражать Ольга Федоровна.

— Ну, все равно, — отмела ее возражения психологиня. — Вы расслабляетесь. Вызываете перед мысленным взором наставника и обрисовываете ему проблему. Он, то есть, конечно, вы сами, ваше внутреннее дисциплинированное «я», дает вам советы, как выбрать наиболее оптимальный путь. Это просто! Представьте, что вы обращаетесь за советом ко всей необозримой мудрости вселенной!

Толя смотрел на психологиню, склонив голову. Приняв эту позу за демонстрацию скепсиса, дама взялась за него:

— Вот вы, молодой человек, чего хотели бы достичь в жизни? Ну, смелее, о чем вы мечтаете?

— Выучить финский язык! — брякнул Толя первое, что пришло на ум. На его столе уже много месяцев лежал учебник финского, оставленный предшественником, и Толя подумывал,

что хорошо было бы взяться за язык страны, с которой Арельская область граничила, а финны и жители Арельска частенько обменивались визитами.

— Прекрасно! — обрадовалась психологиня. — Обратитесь к мысленному наставнику, и ваше желание сбудется!

Игнатьев хотел возразить. Но в этот момент в кабинет вошла бухгалтер Анастасия Валерьевна, потянувшая его к выходу. В небольшом коллективе редакции Анастасия Валерьевна осуществляла еще и функции отдела кадров.

— Ты чем Семенова прогневал? — спросила она Толю.

Анастасия Валерьевна с сочувствием смотрела на него. Под этим взглядом его бравада начала таять, как масло на сковородке.

— Он хотел тебя по статье уволить, — сказала Анастасия Валерьевна. — Ты понимаешь, что мог бы себе трудовую испортить?

Толя пожал плечами, неубедительно показывая, что, мол, ему все равно.

— Эх, молодые, глупые, — вздохнула бухгалтер. — В общем, я еле уговорила его. Но он велел уволить тебя сегодня же.

— Ну, раз ему хорошие верстальщики не нужны... — начал Толя.

— Не нужны, не нужны! — перебила его Анастасия Валерьевна. — Сейчас никто никому не нужен. Ни верстальщики, ни бухгалтеры. Хочешь работать — каждый день доказывай начальству свою необходимость. А если начинаешь права качать — до свидания.

Толя понимал, что Анастасия Валерьевна была права. Семенов не был заинтересован в том, чтобы удерживать кого бы то ни было, работа в любом случае не остановилась бы. Ну, пришлось бы побольше работать оставшимся. Если бы они перестали справляться, можно было найти молодого специалиста, благо, сейчас в городе готовили и верстальщиков, и дизайнеров. Все равно учили их так, что на рабочем месте нужно было переучивать. Найти такого молодого специалиста было легко, более того, можно было экономить деньги на зарплате, поскольку молодому и необученному можно платить мало. Семенов только выигрывал.

— Ну что? — спросила Анастасия Валерьевна. — Пойдешь извиняться?

Толя помотал головой.

— Тогда пойдем, напишешь заявление «по собственному желанию». И можешь сказать спасибо Семенову, что не по статье увольняет.

— Спасибо! — сказал Толя Анастасии Валерьевне, а та лишь махнула рукой.

Игнатьев шел по узкому коридору вслед за бухгалтером, и непроизвольно его губы расплывались в улыбке. Он бы и сам не мог объяснить, что именно его так веселило. Здесь, в коридоре, оканчивающемся дверью в бухгалтерию, ничто к веселью не располагало. Этот коридор не был предназначен для клиентов. Сема посчитал ненужным вкладывать средства в ремонт и приличное освещение. Темные стены с облупившейся краской будто сужались все больше, пожелтевший потолок нависал над головой. Грязные плафоны горели через один. Иногда Толе этот коридор казался достойным каких-нибудь застенков, по которым арестованных героев Сопrotивления водят на допросы к гориллам-следователям, выбивающим показания... А сейчас Игнатьев не видел ни нависающего потолка, ни облупленных стен. Он шел будто по хрустальному мосту, воздвигнутому по шучьему велению меж двумя берегами огромной реки, и на самой вершине этого моста взору открывались равнины и просторы, зовущие, зеленеющие, манящие свежестью. Это были мгновения неизвестно откуда взявшегося счастья.

Игнатьев давно пришел к выводу, что счастливой жизни в принципе не бывает, что глупы те, кто пытается гнаться за счастьем, пытается вообще что-либо делать для его достижения, поскольку нельзя сколь-нибудь продолжительное время быть счастливым. Счастье — это мгновение, редкие секунды, когда человек не осознает, что с ним происходит, где он находится, а чувствует только, что ему хорошо, так хорошо, как никогда... Нет, не чувствует и этого человек в мгновения счастья, ибо достаточно только ощутить, что тебе хорошо, только отметить «Господи, как хорошо-то!», и сразу счастье постепенно, но неотвратимо улечучивается, включается разум, рацию, начинающее анализировать ситуацию, выяснять, что именно хорошо, и почему хорошо, и можно ли продлить это состояние. Тут счастье и пропадает. Но какие-то мгновения, пока Толя шагал вслед за Анастаси-

ей Валерьевной, он был счастлив и в бухгалтерию вошел с лицом, расплывшемся в улыбке.

Анастасия Валерьевна, увидев эту улыбку, только вздохнула виновато. Она была неплохой женщиной и испытывала жалость к молодому, как ей казалось, дурачку, который натворил дел, сам не понимая, во что все это выльется. Ее опыт Сема ценил и потому не сильно спорил с ней, а она пользовалась этим и часто старалась сгладить острые моменты, возникавшие между директором и сотрудниками. Вот и на этот раз ей удалось сменить гнев начальника на милость, излившуюся на Игнатьева, но парень этого явно не осознавал. Анастасии Валерьевне было немножко обидно, что Толя не оценил ее усилий, просто не осознавал, чем может завершиться его демарш. Небось, осознавал бы, так не лыбился бы по-глупому.

А Игнатьеву, уже зафиксировавшему момент счастья, уже прощавшемуся с этим фантастическим состоянием, было все равно. Его настроение не портилось, а только поднималось и поднималось. Явление известное, называется эмоциональные качели. Когда человек переходит от депрессивного состояния к праздничной эйфории. Конечно, обычно бывает наоборот, обычно после того, как испытываешь душевный подъем, затем легко можешь ухнуть в пропасть депрессии, в протрацию. Но бывает и так, как было в этот день с Игнатьевым. После вчерашнего избиения себя, после унижения и пьяных слез ему дано было увидеть новые горизонты, и он с готовностью бежал к этому радостному состоянию. Даже синяк под глазом, болевший, когда Толя дотрагивался до него, на самом деле ощущался фонарем, светившем в лучшее будущее.

Под диктовку Анастасии Валерьевны Толя написал заявление об увольнении по собственному желанию. Стажерка Катя, взятая в бухгалтерию недавно, почти не выходящая из кабинета, смотрела на Толю как на героя. Она уже слышала от Анастасии Валерьевны о том, какой подвиг совершил этот нелепый толстый верстальщик, а теперь увидела его довольное лицо, увидела синяк, служивший подтверждением мужественности и героизма, а потому восторг и безмерное уважение светились в ее глазах. Перехватив ее взгляд, Толя обрадовался еще больше. Никогда с ним такого не случал-

лось, чтобы девушки смотрели на него с нескрываемым восхищением, по крайней мере, он такого не помнил. Он даже на малую долю секунды усомнился, верно ли он трактует этот взгляд и на него ли смотрит Катя, но тут же уверился в том, что на него, и подмигнул Кате, вставая со стула.

Анастасия Валерьевна, наблюдая за Толей, только покачала головой.

— Иди, герой, погуляй полчаса. Я посчитаю, сколько денег тебе положено, и трудовую оформлю.

Толя вернулся в свой кабинет. Психологини уже не было. Но коллеги, уже услышавшие о произошедшем, прекратили разговор, как только он вошел, и уставились на него.

Толя почувствовал себя неловко, оказавшись в центре внимания. Он опустил глаза и прошел к своему столу.

— Э-э, — прервала затянувшуюся паузу Ольга Федоровна. — Толя, нам тут сказали...

Она замолчала, будто испугалась, что слух оказался ложным, что рассказанное им не относится к их вечно насупленному молчаливому коллеге.

Толя повернулся к женщинам:

— Что сказали?

— Что ты Сему послал! — ответила Анечка.

— Что Сема тебя уволил! — одновременно произнесла Люба. — Это правда?

Толя кивнул. Он не знал, что говорить еще, но чувствовал, что женщины жаждут объяснения, и принялся импровизировать.

— Я написал заявление. Подумал, что не могу больше, и решил сменить работу.

Ничего он не решал. Даже идя в кабинет Семёнова, он еще не предполагал, что разговор завершится таким образом.

Неожиданно он получил поддержку.

— Ну и правильно! — заявила Ольга Федоровна. — Нечего мужику здесь штаны просиживать на грошовой зарплате. Надо работать, надо семью заводить, надо добиваться большего!

Анечка пожала плечиками и сказала в сторону:

— А пил зачем? Для храбрости?

— Нет! — горячо вступилась за Игнатьева Люба. — Толя не пил, а выпил. Он просто думал об этом решении вчера и поэтому выпил. Но сначала решение принял!

В момент этой речи Люба повернулась, чтобы взять чайник, но оступилась и чуть не упала, стоя рядом со стулом Игнатьева. Толя успел ее поддержать:

— Осторожненько, лапулька!

Это «лапулька» вырвалось случайно. Слово было из лексикона его мамы, слухая и сына, и кошку называла ласковыми словами. В такой ситуации она наверняка сказала бы «Осторожненько, лапулька!», Толя просто повторил то, что слышал миллионы раз в доме родителей, и повторил потому, что почувствовал себя сильным, а значит, способным проявлять заботу о ком-то.

На Любушку это обращение произвело странное впечатление. Она покраснела, отвернулась и, пробормотав, что надо напоследок хоть чаю попить, выбежала из кабинета.

Чаепитие прошло быстро, толкового разговора не получалось. Толя и прежде не был разговорчивым с женщинами, а уж теперь и подавно не знал, что говорить. Так часто бывает при прощании людей, волею судьбы оказавшихся вместе. Прощаясь, они понимают, что вынужденное общение заканчивается, вероятно, навсегда. Тем для разговора, которые бы их объединяли, больше нет. Те, кто остается, живут прежними чувствами, а тех, кто уходит, манят вдаль перспективы, неизвестные и чуждые остающимся. Толю просили звонить и заходить, а он обещал и то и другое, но все понимали, что эти обещания не будут выполнены и никто не станет настаивать на их выполнении.

Хотя, когда уже одевшийся Игнатьев открыл дверь, за ним выскользнула в коридор Люба и тихо спросила:

— Можно я тебе позвоню? Расскажешь, где устроишься, как жизнь пойдет...

— Конечно, Любушка! — ответил Толя, спешивший на улицу.

На прощанье он вытянул губы трубочкой и чмокнул воздух, будто целуя Любу. Ему показалось, что и она качнулась к нему, будто хотела, чтобы Толя действительно ее поцеловал. Но движение это было таким незаметным, а Игнатьев и мысли не допускал, что какая-либо девушка возжаждет его поцелуя, что он сразу оступил и, помахав рукой, быстро удалился.

Выйдя на улицу, Толя не потерял своего прекрасного настроения. У него возникло та-

кое же ощущение, какое, бывало, испытывал он в детстве, когда под каким-то благовидным предлогом мог пропустить уроки в школе. Это было чувство свободы, тем более острое, что товарищи его должны были сидеть на скучных уроках, слушать объяснения надоевших учителей. Толя глубоко вдохнул мартовский воздух, пьянившийся ожиданием весны, и направился гулять по городу.

Не портило настроения и то, что денег он получил очень мало. Сема напоследок подгадил, распорядившись посчитать неполный месяц работы по обязательной минимальной расценке. Здесь добрая Анастасия Валерьевна ничего не смогла поделаться, о чем, отводя глаза, и сообщила Толе, вручая деньги и трудовую книжку.

— Снявши голову, по волосам не плачут, — Толя повторил не раз слышанную от отца мудрую мысль. — Будет работа, будут и деньги.

— Дай бог! — согласилась Анастасия Валерьевна.

Толя был доволен, его не покидало ощущение начавшихся перемен. Он отправился на набережную, решив погулять вдоль озера, где воздух был особенно весенним, мартовским — влажным и свежим. Но на набережной было малолюдно в это рабочее время. Мужичок в светлокоричневой дубленке выгуливал спаниеля. Собака, завидев Толю, подбежала к нему, радостно виляя обрубком хвоста, ткнулась мордой в колени. Обычно Толя не питал теплых чувств к собакам. Однажды в детстве его цапнула за голень злая дурная овчарка, на память об этом событии на ноге остался небольшой светлый шрамик. Пожалуй, укус был не очень сильным, скорее предупредительным. Но травма психологическая осталась надолго. Однако в этот день даже тени опасения не возникло у Толи, настолько дружелюбным выглядел мохнатый пес. Может, собака тоже почувствовала настроение человека и порадовалась вместе с ним.

Толя нагнулся было, чтобы погладить тянувшего морду к его ладони пса, но того окликнул хозяин:

— Джой, ко мне!

Пес побежал на зов, оглянулся на Игнатьева. В глазах его было сожаление, чем-то приглянулся ему нескладный толстый парень, безмятежно улыбающийся неизвестно чему.

Толя пошел дальше. Навстречу двигалась молодая мама с розовой коляской. Снег подтаял, толкать коляску было тяжело, колеса вязли. Женщина вытирала варежкой вспотевший лоб, ей было тяжело, и она с тоской смотрела на дорогу, отделенную от набережной газоном, покрытым ватным одеялом нетронутых снега.

— Вам помочь? — спросил Толя, берясь за коляску спереди.

— Увязнем, — вздохнула женщина, но не отказалась от помощи, а приподняла коляску за ручку.

В ботинки Толи мгновенно набился снег. Женщине было полегче, ее ноги защищали высокие сапожки. С трудом передвигаясь, они все же преодолели газон, выйдя на утоптанную дорогу.

— Спасибо вам большое! — улыбнулась женщина. — Пришлось бы всю набережную пройти, чтоб выбраться.

— Пустяки!

Игнатьев еще немного погулял, а затем направился к дому. Ему не очень хотелось туда, напротив, было желание продлить хороший день, и он завернул в «Парижанку», одно из сети кофеен, недавно появившихся в городе. В кофейне можно было не только отдохнуть за чашкой кофе или чая, но и пообедать.

Толя почувствовал, что хочет есть. В кошельке лежали деньги, полученные при расчете. Надолго этих денег все равно не хватило бы, и потому Игнатьев позволил себе продолжить праздник, заказав и салат, и жульен с курицей, и блины. Запил все это бутылочкой «Перье» и попросил еще чашку кофе. Тянул ароматный горячий напиток не спеша, смотрел в окно, на залитую весенним солнцем площадь и старался сосредоточиться на удовольствии момента, отгоняя мысли о будущем.

Дома было пусто и скучно. Приятное послевкусие от обеда и вообще праздничного дня еще не покидало Игнатьева. Но, может оттого, что солнце не заглядывало в этот час в окна Толиной квартиры, у Игнатьева появилось отчетливое ощущение того, что праздник кончился. Еще не хотелось думать о том, что будет после, где искать новую работу и как жить дальше.

Едва он вошел, как зазвонил мобильник. Ма-

ма волновалась за самочувствие сына. Успокоив ее, он отключил телефон.

В квартире еще стоял запах вчерашней попойки. Поморщившись, Толя открыл форточку, чтобы выветрить остатки неприятного запаха, помыл посуду, убрал кухню, вытер стол влажной тряпкой. Ничего не хотелось делать. Давали о себе знать усталость и недосып. Все-таки хоть он и проспал сегодня дольше обычного, но ночь была беспокойной. Отравленный организм нуждался в восстановлении сил. И, хотя еще стоял день, Толя перестелил свою постель и лег спать.

Это был неровный, беспокойный сон. Игнатьеву даже казалось, что он не засыпал, неотчетливые мысли крутились в голове. Трудно было понять, о чем эти мысли: обрывки бывших и небывших разговоров, места, в которых был и не был, лица, которые видел и не видел... Однако же это был сон. У Игнатьева не осталось в этом сомнений, когда он проснулся.

В комнате было уже темно и холодно. Из раскрытой на кухне форточки задувал морозный воздух. Толя поежился, попробовал завернуться поплотнее в одеяло, но заснуть больше не мог.

Игнатьев поднялся, заварил себе чай, включил телевизор. Новости смотреть не хотелось, он оставил какой-то фильм, где мужчины стреляли друг в друга, а женщины ходили с напряженными лицами, приглушил звук, чтобы осталось невнятное бормотание, создававшее иллюзию избавления от одиночества. Пробовал читать принесенные из библиотеки детективы, но понял, что только глазами скользит по строчкам, не воспринимая содержание.

Включил мобильник, с сожалением обнаружил, что звонков не было.

Вечер прошел тихо и бездумно. Приняв душ и промаявшись часа два, Игнатьев снова улегся спать. Он подумал при этом, что мог бы и не ложиться, ведь завтра утром не нужно рано вставать, но он не мог придумать для себя иного занятия.

Сон не шел. Игнатьев долго ворочался, стараясь уснуть, но его старания не принесли желаемого результата. Наконец, отказавшись от попытки заставить себя спать силовыми методами, он улегся на спину, закрыл глаза и расслабился. Вспомнились советы психологини о

возможности придумать для себя Учителя, и Толя стал фантазировать о том, кто бы мог претендовать на эту роль.

Почему-то так случилось, что среди знакомых Толя не видел идеала, не хотел походить ни на кого. То же происходило и с историческими, и с литературными героями. Толя вспомнил, как в школе заставляли писать сочинения об идеале. Требовалось рассказать на трех страничках, на кого Игнатьев хочет быть похожим. Тогда Толя не умничал, он брал любого положительного литературного героя, образы которых недавно изучали, и спокойно врал, убеждая учителя, что именно на этого героя он хочет быть похожим. Герои сомнений не вызывали, грамматических ошибок в сочинениях Толя допускал немного, а потому к его сочинениям не придирались. Читали, ставили четверки.

Но сейчас не хотелось врать, поэтому Толя долго раздумывал, кого бы можно было взять себе в наставники. Наконец, перебрав десятки вариантов, он решил сконструировать образ Учителя. Само это слово вызвало ассоциации с Востоком. Учитель, гуру — это что-то индийское. В памяти всплыли просмотренные некогда боевики про восточные единоборства. Тут же в голове родился образ борца сумо. Игнатьев даже расхохотался, представив, как борец сумо будет его учить. Вес уже есть, осталось только научиться бороться.

Нет, учитель должен быть человеком более худощавым, должен быть примером. Толя пытался вызвать в памяти лица героев восточных боевиков, перед его внутренним взором заскакал кузнециком какой-то темноволосый субъект. Этот вариант тоже не прошел.

Вдруг неожиданно, будто откуда-то издалека выплыл сухощавый китаец в кимоно. Может, это был и не китаец, а некий обобщенный образ людей Востока, но Игнатьев решил, что он китаец.

У учителя были карие умные глаза, увидев которые, Толя понял, что ему уже не хочется играть. Само собой вышло так, что он стал относиться к придуманному образу серьезно. Да и сам ли он придумал этот образ? Человек средних лет, с симпатичным, располагающим к открытости лицом, с ежиком коротких черных волос не был знаком Толе. Игнатьев порывлся в памяти, пытаясь вспомнить, не видел ли он где-

нибудь когда-нибудь этого человека. Но память подсказок не давала. Человек появился из ниоткуда, из Вселенной, а не из Толиного сознания.

Учитель сложил руки на уровне груди ладонями вместе и коротко поклонился.

Толя мысленно ответил тем же, физически ощутив, как мешает ему кланяться выпирающий живот. От досады он хотел было придать Учителю какие-либо смешные черты. Лицо не изменяло спокойного выражения, и Толя стал придумывать голос для Учителя.

Сначала Игнатьев представил, что тот мог бы говорить очень тонким голоском, таким, каким поют японки. Гласные при этом произносились те, что состоят из двух звуков. Приветствие, с которым Учитель мог бы обратиться к Толе, звучало примерно так:

— Киёкюсинкай!

Учитель не менял выражение лица, но глаза его смеялись. Толе стало стыдно, что он наделил гостя таким тоненьким смешным голоском, и он попытался исправить положение. Теперь, наоборот, приветствие должно было произноситься басом, грубо:

— Кыюкусинкай!

Гость улыбнулся. Увидев это, Толя засуетился и пустил дело на самотек. Не он придумал образ Учителя, не ему и голос придумывать.

— Здравствуй, Толя! — спокойно произнес гость. — Может быть, будет лучше, если ты мне оставишь мой голос и мои интонации? Если ты не против, конечно.

— Я не против, — удивленно ответил Толя. — А вы кто?

— А ты кого хотел увидеть? — спросил гость. — Вот я он и есть. Ты хотел — я явился.

— Откуда? — Толя сам не верил в то, что происходит, настолько объемным, реальным выглядел пришелец.

Гость мягко усмехнулся:

— А какая разница? Ну, если хочешь знать... Из Вселенной. Ты послал во Вселенную запрос, я появился.

«Не так ли начинается сумасшествие?» — подумал Толя. Он открыл глаза, постаравшись освободить свою голову от образа учителя. За окном сгустилась ночь, хотя время еще было не самое позднее. Тусклый свет фонарей снизу подсвечивал голые ветви березы, лениво раскачивавшиеся, словно напоминавшие, что, несмотря на морозные месяцы, они хоть и оголены, но еще живы.

— Так не бывает, — вслух сказал Игнатьев, и ему никто не возразил.

Тогда он вновь закрыл глаза. Гостя не было.

— Учитель! — тихонько позвал он.

Образ китайца тут же вновь появился перед

ним. Гость всем своим видом демонстрировал готовность к дальнейшему общению, глаза излучали покой, на губах застыла легкая улыбка. На высоком лбу справа обнаружился едва заметный шрам.

— Что ты хочешь? — спросил гость.

— Понять, что происходит, — ответил Толя.

— Где происходит? Во Вселенной? В стране? В мире? В душе?

— Везде...

Гость улыбнулся:

— Мне кажется, у тебя в голове сумбур. Давай решать конкретные задачи. Ты можешь изменить мир?

— Нет.

— И не надо менять. Он сам меняется, кстати, с твоим участием. Но ты, предпринимая какое-либо действие, не можешь знать, как оно на мир повлияет...

— Ну, если я делаю доброе дело, то мир становится лучше, — перебил гостя Игнатьев. — А если злое, то мир становится хуже.

— Например? — скептически поинтересовался гость.

— Ну, старушку через дорогу переведу, значит, сделал доброе дело.

— Это ты так думаешь. Предположим, без твоей помощи старушка переходила бы дорогу на десять минут дольше. Постояла бы, выждала время, когда машин не будет, и перешла дорогу самостоятельно, крихтя и отдуваясь. Но ты помог. И вот старушка, переведенная тобой через дорогу, идет вдоль дома, а с крыши на нее падает сосулька и убивает бабушку. А если бы она постояла, помедлила у дороги, то сосулька упала бы до того, как бабушка появилась под ней. Так может быть?

Толя был вынужден признать, что такая ситуация вполне могла сложиться.

— Еще пример. Ты бросил банановую кожуру на тротуар. Это, видимо, плохое действие. Некий ребенок поскользнулся на коже, сломал ногу и попал в больницу. Это плохо?

— Конечно!

Учитель рассмеялся.

— Но в больнице у этого ребенка не было компьютера, он отказался от компьютерных игр, за которыми провел долгое время. И вот он начал читать книги, полюбил это занятие и

потом благодаря этому сам стал замечательным писателем. Или освоил шахматы; выпившись, пошел в шахматную школу, а через много лет стал чемпионом мира. Это хорошо?

— Хорошо, — согласился Игнатьев.

— Вот видишь, а ведь все началось с твоей банановой кожуры...

Толю начал занимать этот философский спор, но еще больше интересовал собеседник.

— Вы кто? — вновь спросил он.

— Ты уже задавал этот вопрос. И вообще, может быть, ты предложишь мне сесть? А то как-то некрасиво получается, ты лежишь, я стою.

В словах гостя не было обиды. Он произнес их спокойным тоном, просто констатируя факт. Но Толе стало стыдно.

— Ой, садитесь, пожалуйста! — предложил он, но тут же обеспокоился, какое место предложить гостю.

Собственно, раздумывать было не о чем. В комнате стоял один стул возле письменного стола.

— Нет, — отказался гость. — Давай-ка придумаем что-либо более подходящее. Представь место, где мы можем с тобой беседовать. Кстати, на самом деле ты можешь не вставать, но представь нас сидящими.

— Кафе подойдет? — спросил Толя.

Гость снова засмеялся:

— Подумай, как я буду смотреться в кафе в своем кимоно!

Толя извлек из памяти интерьеры из фильмов о Востоке. Он остановился на небольшой комнате, в которой стоял низенький столик. Возле столика с двух сторон лежали полосатые красно-желто-зеленые циновки, похожие на соломенные коврики, бывшие когда-то в квартире Толиных родителей.

— Садитесь, пожалуйста! — снова предложил Толя.

Гость устроился на циновке, сложив ноги по-восточному.

— Неплохо, — оценил он усилия Игнатьева. — Может, попозже мы и чайку зеленого попьем. Но для начала можно и так. А ты тоже не стесняйся, садись.

Толя представил себя сидящим напротив гостя. Сидеть так, как гость, было неудобно. Больно было лодыжкам, на которые давили

толстые ноги, заболели нерастянутые связки. Толя поменял положение, сел, вытянув ноги.

— Мне неудобно сидеть так, как вы, — извиняющимся тоном пояснил он.

— Ничего страшного, сиди как удобно. Итак, мы говорили о том, чего ты хочешь. И пришли к выводу, что твои якобы добрые или злые дела на самом деле вовсе не обязательно ведут к добру и злу соответственно. Я предлагаю тебе подумать о конкретных задачах. Ты их формулируешь, я помогаю тебе их решать. Ты же для этого меня звал? Итак, чего ты хочешь?

— Выучить язык, — улыбнулся Толя, вспомнив, что уже давал недавно ответ на этот вопрос.

— Хорошо, — не поддержал улыбки гость. — Ты улыбаешься, поскольку не считаешь это возможным. А я тебе говорю, что это очень легко. У тебя есть учебник, но ты не занимаешься. Почему?

— Ну, — засмутился Толя, опустив глаза. — Наверное, не очень сильно хотел.

— Тогда сначала определись с желанием. Хочешь или нет?

— Хочу! — Игнатъев принял решение.

Учитель кивнул, и Толя принял этот кивок за одобрение. Он удовлетворенно вздохнул, расправил плечи.

— Тогда делаем так. Каждое утро ты будешь находить тридцать-сорок минут для занятий. Купи тетрадку, открывай учебник, и вперед. Но смотри, заниматься нужно каждое утро. Это обязательное условие для достижения результата. Никто за тебя язык не выучит. Никто не взмахнет волшебной палочкой, чтобы наделить тебя знанием. Освоить финский можешь только ты сам.

— А откуда вы знаете, что речь идет о финском? — спросил Толя. — Я же в разговоре не упоминал, какой именно язык я хочу учить.

— Не задавай смешных вопросов! — махнул рукой гость. — Ты призываешь духовного учителя из Вселенной и действительно считаешь, что он не знает, о чем идет речь?

— Но в таком случае вы лучше меня знаете, чего я хочу! — воскликнул Толя. — Если вам известно обо мне все, то какой смысл задавать мне вопросы?

Учитель помолчал, будто ожидая, что Толя сам найдет ответ. Но Игнатъев ждал, и тогда гость произнес:

— Ты, наверное, не очень представляешь себе природу мысленного учителя. Лучше называть меня советчиком, но раз ты выбрал такое имя, то я не против. Я не знаю о тебе ничего. Я — обычный проводник. Ты можешь по своему желанию связываться со Вселенной, пользуясь ее разумом, который включает в себя и твои знания. Даже то, что я сейчас говорю, — не откровение. Ты уже слышал это или где-то читал. Все эти слова уже есть в твоей голове, но лежат под спудом, вытеснены иными знаниями, впечатлениями. Ты направил запрос во Вселенную, ответ мог бы получить и другим способом, но, услышав слова женщины-психолога... Видишь, о ней ты тоже мне не рассказывал, а я это знаю. Итак, услышав ее слова, ты решил, что тебе нужен Учитель. Ты об этом подумал, Вселенная прислала тебе меня...

— Но я вас не знал! Я вас нигде не видел! — горячо возразил Игнатъев.

— Не возбуждайся! — остановил его гость. — Сильные эмоции выкинут тебя из потока общения со Вселенной, и ты опять останешься один на один со своими проблемами. Может быть, ты меня не видел. В таком случае я просто сконструирован тобой из каких-то обрывков твоих впечатлений. Сконструирован подсознательно. Возможно, ты именно так представлял себе Учителя, в образе восточного гуру. Ты мог бы поместить на мое место Махатму Ганди, Будду или кого угодно, но оказалось, что в твоём подсознании образу Учителя больше соответствует тот образ, который являю я. Не исключаю, что с Махатмой Ганди тебе было бы трудно общаться, поскольку ты брался за его биографию, да так и не дочитал. Вероятно, подсознательно тебе стыдно перед ним, поэтому не в его образе явился к тебе Учитель. К Будде ты относишься как к Богу, предполагаешь, что он нуждается в поклонении, подношении, специальных обрядах. Согласись, общаться в таком режиме было бы трудно. Ты начал бы подыскивать соответствующие слова, которые не выражали бы истинных твоих потребностей. В общем, случилось то, что случилось, на твой запрос пришел адекватный ответ. Таким образом, моя роль сводится к следующему: ты озвучиваешь вопрос, я помогаю тебе найти ответ в

твоей голове. Вселенский разум дает возможность найти правильный ответ.

— То есть ответ добрый? — уточнил Игнатъев.

— Да что ты привязался к добру и злу! — повысил голос Учитель. — Я уже показал тебе относительность того и другого. Я даю правильный ответ, и твое дело — следовать моим советам или нет. Хочешь продвигаться вперед — следуй, хочешь оставаться на месте — забей!

— Нет, я хочу следовать! — заверил гостя Игнатъев. — Только все это так неожиданно и не совсем понятно.

— В таком случае не забивай себе голову, просто считай, что я даю тебе хорошие советы. Так вот, я все-таки отвечу на твой вопрос. Ты сказал, что я лучше знаю, чего ты хочешь, чем ты сам. Это не так. Формулировка вопроса нужна тебе самому. Формулируя его, ты сам отчетливей понимаешь, что именно тебе нужно. Если я начну озвучивать твои желания, ты воспримешь эти желания как навязанные со стороны, и потому не станешь прилагать усилий для их исполнения. А значит, нам надо вернуться к вопросу о твоих желаниях. С языком мы уже все выяснили. Начни заниматься по учебнику, потом купи аудиокурс. Заработаешь денег — пойдешь на какие-нибудь курсы или найдешь репетитора. Занимайся каждый день, больше ничего не требуется.

Толе показалось, что Учитель стал уставать от разговора и потому торопится.

— У вас мало времени, да? — спросил он. — Вас ждет еще кто-то?

— Нет, — покачал головой Учитель. — Я весь в твоем распоряжении и буду к твоим услугам в любой момент, когда это потребуется. Но я могу отвечать на конкретные вопросы, а не рассказывать тебе сказки «Тысячи и одной ночи»... Итак, чего ты еще хочешь?

— Компьютер! — быстро ответил Толя.

— Купи!

Этот ответ Игнатъеву не понравился. Он и сам мог себе это сказать, вопрос в том, где взять деньги. Учитель понял его чувства по лицу, вмиг погрузневшему.

— Заработай денег и купи, — поправился он.

— Но я мало зарабатываю, — пожаловался Толя.

— Если бы ты поставил себе цель приобрести компьютер, ты бы его уже приобрел. Сэкономил

бы, попросил помощи родителей, взял кредит... Так или иначе, компьютер у тебя был бы куплен. Твоих заработков на это хватало...

— Неужели это все я себе говорю? — подумал Толя. То есть вся беседа была мысленной, он формулировал вопросы, и ответы рождались в его голове. Но он отчетливо видел, как эти ответы исходят из шевелящихся губ Учителя. И самому ему казалось, что он сидит перед Учителем и задает вопросы вслух, хотя при этом он понимал, что на самом деле лежит на своем матрасе.

Последний вопрос он даже мысленно не произносил, тем не менее Учитель ответил и на него:

— Да, примерно так. Ты сам прекрасно знаешь, что мог бы купить желаемое, но предпочел тратить деньги на что-то иное, к родителям обратиться постеснялся, кредит брать не хотел, боясь, что несколько месяцев придется отказывать себе в удовольствиях.

— А теперь что делать?

— Найти работу! — сказал Учитель так, будто Толя ежедневно получал десятки заманчивых предложений от работодателей. — Попроси Вселенную помочь с работой, и она появится. Сам же с завтрашнего дня начинай искать: смотри объявления о вакансиях, подумай, кому бы ты мог предложить свои услуги и в какой области...

Учитель еще говорил, когда Толя вдруг осознал, что с кухни давно несется звонок мобильного.

— Простите, — сказал он собеседнику, открыл глаза и поднялся.

Слабый свет с улицы позволял глазам, привыкшим к темноте, ориентироваться. Сделав три шага, Толя подошел к кухонному столу, на котором разрывался телефон.

— Алло?

— Толя, не разбудил? Это Саша! — жизнерадостный голос товарища ворвался в голову Игнатъева. — Слушай, такое дело. Ты сказал, что верстаком работаешь в газете? Зарплатой доволен?

— Не очень, — признался Толя.

— Отлично! Ты не мог бы навестить нас завтра? Мы тут со Станиславом Олеговичем подыскиваем человека, который может верстать газету. У нас запускаются новые проекты, Миша уходит на них, нужны люди.

— Какой Миша? — Игнатъев с трудом понимал, о чем ему толкует товарищ.

— Ну, ты даешь! Мишу, что ли, не знаешь? Это же наш гений верстки! Ну ладно, не суть важно. Познакомишься. Давай к делу, ты когда освобождаешься? Чем раньше зайдешь, тем лучше...

— Да хоть к девяти, — предложил Игнатъев.

— Толя, у нас в девять никто не приходит, если нет жесткой необходимости. Журналисты или в поле, или дома за компами сидят, а вернее всего, спят. Я буду часам к десяти, подходи в это время.

Саша приостановился, потом после паузы сказал:

— А у тебя что, выходной завтра?

— Я ушел с работы, — признался Толя. — Достаю.

— Ну, ниче, бывает! Значит, я очень кстати позвонил. До завтра!

Толя положил телефон и, включив чайник, присел на табурет.

Так не бывает. Так просто не может быть. Учитель... Да и был ли Учитель? Какой-то фантом в сознании или в полусне пообещал работу, и вот работа сама идет в руки. Нет, фантом тут ни при чем. Он же ясно сказал: смотреть вакансии, предлагать себя... А еще он сказал, что нужно попросить Вселенную о помощи... Но Толя не просил, не успел!

Игнатъев пил чай, раздумывая о будущем. Газета, в которой работал его товарищ, была из популярных в области. Лет пять назад ворвавшись на рынок прессы, она прочно заняла позиции самого свободного издания. Материалы, которые в ней публиковались, были далеки от скучных материалов других газет, создававшихся на основе пресс-релизов от местных властей. Живое слово, острые темы приветствовались. Конечно, она тоже была несвободна, но принадлежала местному олигарху, который никак не мог вписаться во властную команду, а потому то ссорился, то мирился с властями. Когда ссорился, газета печатала разоблачительные материалы о деятельности губернатора и местных мэров, когда мирился, на какое-то время политика на страницах газеты сменялась материалами развлекательными. Впрочем, баланс хоть и смещался то в одну, то в другую сторону, но все же выдерживался. Так или иначе, работать в этой газете было престижно, ее читали, покупали, обсуждали.

Те, кто там работал, на зарплаты не жаловались. Подумав об этом, Толя на минуту пожалел, что сказал товарищу о том, что ушел с работы. Зная, что он в работе нуждается, ему могли предложить меньшие деньги. Но слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Что сказано, то сказано.

И все же интересно, какое отношение имеет к этому Учитель? Сидя за столом, Толя закрыл глаза и попытался вызвать перед внутренним взором образ гостя. Но у него ничего не получилось.

И все же настроение поднялось. Игнатъев улыбнулся сам себе. Завтра — славный день. Он найдет хорошую, интересную работу. Будет больше денег. Значит, можно будет приобрести компьютер, как и говорил Учитель...

Опять Учитель. Так был он или не был? Игнатъев решил проверить и вновь отправился на матрас. Он лег на спину, как и в прошлый раз, попытался расслабиться по старинной восточной технике. Прошел мысленно по всем мышцам, начиная с конечностей, постарался сосредоточиться на дыхании. Представил комнату, в которой они сидели, максимально ярко. Каркасный дом, легкие стены, возможно, отсутствующие или стеклянные. Выяснить точнее не представилось возможным, поскольку стены завешены циновками. Судя по тому, что с боков от циновок висели веревочки, эти циновки можно было поднять, обнажая окна от потолка до пола. Пол был дощатым, насыщенного глубокого темно-коричневого, ржавого цвета арельских болот. Игнатъев подумал, что эта краска изготовлена из трав. Низкий столик почему-то напоминал журнальный, с полированной поверхностью, такой, что стоял в родительской квартире. Если у родительского столика отпилить ножки на две трети, как раз и получился бы тот, за которым сидел Толя. На столике появились две пиалы, опять же из родительского набора, белые с зеленой полоской по кругу. Рядом образовался белый высокий фарфоровый чайник. Игнатъев попытался представить на его месте что-то более восточное из виденных им в витринах магазинов, но чайник, представленный первоначально, не пожелал уступить свое место. Толя не сопротивлялся. Он разлил по пиалам светлый чай, оказавшийся горячим, — над столом поплыл парок.

— Учитель! — позвал Толя.

Он поднял глаза и увидел перед собой улыбающееся лицо гостя.

— К твоим услугам! — поклонился гость. — Продолжим разговор о желаниях?

— Я сначала хотел сказать спасибо, — начал Толя. — Я не совсем понимаю, как это произошло, но мне уже предложили работу. Думаю, лучшую, чем была прежде. Спасибо вам!

Учитель пожал плечами, добродушно улыбаясь.

— А меня благодарить не за что. Ты направил во Вселенную запрос, и она ответила.

— Но я не говорил четко: «Вселенная, дай мне работу!» Я только собирался, как вы сказали, искать вакансии, а это, оказывается, уже не нужно.

— Бывает и так. В любом случае, там, — он поднял палец вверх, — там лучше знают, что тебе нужно. Не обольщайся, желания могут и не сразу исполняться, но, как правило, исполняются.

— То есть возможно вообще все? — удивился Игнатъев. — А если я президентом захочу стать?

— Президентом чего? Государства? России? США? Уганды?

Толе стало смешно.

— Уганды! — сказал он.

— А ты сам веришь в такую возможность? — спросил Учитель. — Если веришь, у тебя есть шансы. Начни с того, чтобы выяснить, каким образом ты можешь стать гражданином Уганды. Выучи язык, эмигрируй, осмотришься на месте и — вперед!

— Это невозможно! — воскликнул Толя.

Учитель кивнул:

— Раз ты так считаешь, то это действительно невозможно.

— Да не в этом дело! — горячо сказал Толя. — Я же не негр! Наверняка президентом Уганды может быть только темнокожий...

— А в США президентом стал Барак Обама. Какое-то время назад это трудно было представить...

Игнатъеву расхотелось говорить об Уганде и ее президенте. Он подумал, что зря теряет время.

— Давайте вернемся к реальным желаниям, — предложил он.

— Так я об этом давно говорю! — согласился Учитель. — Ну, чего ты хочешь еще?

— Похудеть! — выдохнул Толя.

Это признание далось ему нелегко. Даже отдавая себе отчет в том, что на самом деле никакого Учителя нет, что не сидит он с неизвестным гостем восточной наружности в каком-то псевдояпонском домике, а лежит на своей мягкой постели, признаться в этом своем желании ему было трудно. Сказать об этом кому-либо он не осмелился бы, поскольку желание это недостойно мужчины, как считал Толя. Раз толстый — это его вина. Значит, много ест и мало занимается спортом. То есть слабак, не имеющий силы воли. И нисколько не утешает то, что таких людей немало, что всему виной особенности обмена веществ... Все это отговорки. Игнатъев считал свой большой вес признаком слабости, изнеженности, неумения заставить себя работать и добиваться поставленной цели. И все свои беды выводил именно из этого недостатка. Будь он стройным красавцем с накачанными мускулами, разве отказалась бы так презрительно от его угощения девушка в кафе?

— Вполне возможно, что отказалась бы, — откликнулся Учитель на его мысли.

— Подождите, так нечестно! — обиделся Толя. — Я сейчас не говорил, а думал про себя!

Тут же он сам понял нелепость фразы. Ведь и предыдущая беседа была мысленной, он не произносил слова вслух.

— Да, — ответил Учитель. — Я отвечаю на твои четко сформулированные мысли. Тебе придется принять такой способ общения, другого нет. Так вот, ты хочешь похудеть. А зачем? Из-за девушки?

— А почему вы считаете, что она отказала бы другому человеку? Вы что-то о ней знаете? Вселенная сказала?

Гость рассмеялся, отхлебнул слегка остывший чай из пиалы. Толя последовал его примеру, ожидая ответа.

— Вселенная на этот счет молчит, — сказал гость. — Но и без того можно предположить множество причин, по которым девушка могла отказать. Например, она кого-то ждала. Может, у нее есть парень и она ждала его.

— Да, красивый, стройный, богатый...

— Не обязательно. Может, она была не в настроении и не хотела общаться. Может, просто ты был не в ее вкусе.

— Да, ей нравятся красивые и стройные...

— Или маленькие, кривоногие, волосатые брюнеты, — продолжил Учитель. — А ты оказался русоволосым. А может, она вообще любит девушек, а не парней. Может такое быть?

Толя кивнул. Слова Учителя помогли ему забыть обиду.

— Скажи себе честно, — предложил Учитель. — Ты действительно считаешь, что будь на твоём месте человек менее толстый, девушка обязательно захотела бы с ним познакомиться поближе?

Толя помотал головой.

— Есть множество факторов, которые влияют на выбор и девушек, и юношей. Трудно сказать, что именно вызывает симпатию, тем более желание близости, о которой ты вроде бы мечтаешь, но умалчиваешь. Заметь, я говорю только то, что ты сам себе можешь сказать. Все эти знания есть в твоей голове, но тебе почему-то было более приятно обижаться на девушку, жалеть себя, напиться до скотского состояния, а не подумать об этом так, как сейчас рассуждаем мы. И я знаю почему. Ты не уверен в себе, но не хотел менять себя, не хотел менять свое отношение и жизнь вообще, не хотел что-либо предпринимать для этого. Но все же подсознательная жажда перемен подтолкнула тебя к действиям, может быть, несколько смешным. Ты потерял работу, и это хорошо. Обрести что-то новое можно, только избавившись от старого. При этом не обязательно было напиваться и страдать, но что сделано, то сделано. Часто именно через страдания приходит мудрость.

— И что мне теперь делать? — спросил Толя.

— Ну, для начала — худеть. Добиваться реализации своих желаний. Хочешь похудеть — худей. Начнешь с утра. Ты же сам знаешь, что нужно делать, но если хочешь услышать от меня, слушай. Прежде всего, откажись от сладкого и мучного. Забудь про пирожки и пирожные, не сласти чай, не ешь конфеты. Ну, если очень захочется, съешь одну за обедом. Исключи перекусы, только завтрак, обед и ужин. Завтракай плотно, раз привык. Обедай, тщательно пережевывая пищу, бери только второе или салат и суп. Маловато, но привыкнешь. А кроме того, цель оправдывает средства, не правда ли? Ужин — не позже шести вечера. Либо пачку бифидока, либо творог с изюмом, йогурт, в общем,

что-либо легкое. Сутки в неделю голодай, пей только воду. И делай зарядку. Простую, растяжка и любые упражнения, которые в школах на уроках физкультуры делали...

— Я прогуливал, — вставил Игнатев.

— Знаю, но приседания и наклоны помнишь как делать? Вот и отлично. Наклоны назад, вперед, в стороны. Пресс подкачивай понемногу. Начни с малого, каждый день увеличивай количество исполнений каждого упражнения. Больше ничего не надо. Любая цель будет достигнута, если ты каждый день, запомни — каждый день, будешь что-то делать для ее достижения. Чем больше хочешь — тем больше делай!

— Я уже начинал, — сказал Игнатев.

— Знаю. Начинал и бросал, поскольку хотел немедленного результата. Не спеши жить. Работай над собой каждый день, и результаты появятся. Чего ты еще хочешь?

— С девушкой познакомиться, — пробормотал Игнатев.

— Не расслышал, — усмехнулся Учитель.

— Хочу познакомиться с красивой девушкой! — громче повторил Толя.

— Разве ты не знаком с девушками? Постарайся проявить интерес к тем, с кем тебя сводит жизнь, не закрывайся от них, общайся. Ты ведь даже на работе свое общение с девушками свел до минимума, а их там хватало. Почему?

— Я стеснялся, — признался Игнатев.

— А теперь перестань это делать. Девушки не укусят, бояться их не надо. Побольше внимания, и все получится. Сам увидишь. Еще что-нибудь?

Игнатев задумался. Он колебался, просить ли денег. Вроде неудобно обращаться с такой просьбой. Учитель, как обычно, понял невысказанную просьбу и сказал:

— Деньги приходят тогда, когда ты знаешь, зачем они тебе. Разве бывало так, что ты оставался голодным, хотя старался заработать на еду? Или тебе негде жить? Или ты раздет? Вспомни, даже когда деньги кончались, ты не испытывал нужды в удовлетворении своих потребностей. Помогали родители, на работе вдруг выплачивали зарплату раньше, в конце концов, занимал у Ольги Федоровны, разве не так? Работай, ставь цели, добивайся их, и все, что нужно, у тебя будет.

Игнатьев понял, что беседа завершена. Но не вставал, полагая, что Учитель первым покинет помещение. Тот понял колебания Толи и сказал:

— Я останусь здесь. Место ты создал вполне уютное, теперь я всегда буду ожидать тебя в этой комнате, когда у тебя возникнет желание продолжить общение.

Толя поднялся, задев столик. Недопитый чай из пиал выплеснулся на полированную поверхность. Игнатьев засмутился, покраснел, но Учитель махнул рукой:

— Я сам уберу. До встречи!

Толя неловко поклонился, и картина восточной комнаты стала быстро таять. Последнее, что он видел в ней, было лицо Учителя. Толя вновь обратил внимание на едва видимый светлый шрамик на лбу посланца Вселенной.

— А откуда у вас... — крикнул он.

— Тебе нужен был Учитель-боец, вот ты и придумал шрам!

Голос Учителя прозвучал будто издалека, когда видение комнаты уже растаяло. Игнатьев полегал, возвращаясь в реальность. Спина затекла, он с удовольствием перевернулся на живот. Под одеялом было слишком жарко, и он раскрылся, закинул колено на scomканное одеяло и заснул безмятежным сном, предвкушая радостные изменения в жизни.

Проснулся он рано, сработала выработанная за многие месяцы привычка. Да и вообще он не любил долго валяться в постели. Может, лишь вчерашний день был исключением, но перебор в пьянке — причина если не уважительная, то, как минимум, понятная.

Темнота еще цеплялась за узловатые ветви деревьев, за углы зданий, не желая уступать свое место дню, но начинавшаяся весна брала свое, и по утрам теперь светлело раньше.

Толя по привычке первым делом включил чайник и заглянул в холодильник, но тут же закрыл дверцу. Началась новая жизнь, получены ценные указания, которые необходимо внедрять в ежедневную практику. Поэтому сначала Игнатьев навел ванную, где сполоснул лицо. Холодная вода помогла стереть остатки сна. Синяк под глазом почти прошел, напоминая о себе только легкой желтизной.

Толя вернулся в кухню и стал продумывать

план на утро. Ему предстояло начать день с зарядки, завтрака и изучения языка. Кухня мало подходила для спортивных занятий, поэтому Игнатьев вернулся в комнату и сделал простой комплекс упражнений, не особенно напрягая не приученное к зарядке тело. Все же связки, мышцы, суставы с удовольствием откликнулись на нагрузку. Пусть, приседая, Толя несколько раз чуть не упал, а резко наклонившись, чтобы достать кончиками пальцев пол, почувствовал легкое головокружение, но настроение его улучшалось с каждой минутой.

После зарядки Игнатьев вытащил из ванны давно запрятанные туда электронные весы. Цифры на экранчике показали привычные величины, но Толя не расстроился. Отныне его вес будет только падать.

Теперь, взвесившись, можно завтракать. Игнатьев решил, что овсяные хлопья быстрого приготовления, если сдобрить их тушенкой, будут очень славным, плотным завтраком. Пачка хлопьев была припасена заранее, остатки тушенки нашлись в холодильнике, и вскоре Толя уплетал свой завтрак, запивая несладким чаем.

Ему очень хотелось посласстить чай, но, помня советы Учителя, Игнатьев обуздal это желание и постарался пить небольшими глотками, пытаясь ощутить вкус чая. Когда он сконцентрировался на этом, то действительно почувствовал вкус, даже некую сладость напитка, хотя в нем и не было сахара. Он понял, что когда говорят о вкусе чая, то не просто фантазируют, и эта мысль стала для него открытием. Он вдруг почувствовал, что сладкий вкус сахара забивает вкус собственно напитка. И тут же решил приобрести разные чаи: с бергамотом, травяные, с ягодами, цедрой апельсина... Все эти чаи он видел в магазинах, но прежде был к ним равнодушен. Открытие и планы покупки разных чаев тоже внесли свою долю радости в это утро.

Вымыв тарелку, Игнатьев вытер стол, принес учебник финского и занялся языком. Быстро пробежав глазами предисловие и правила произношения звуков, он перешел к первому уроку. Слова были совершенно незнакомыми, язык совсем не напоминал английский, которому учили в школе и университете, но Иг-

натьев упорно вчитывался и примерно минут через тридцать перешел к работе с упражнениями. Выполнив два из них устно, он отметил, что запомнил новые слова на незнакомом языке, и решил отложить занятия до покупки чистой тетради. Упражнения лучше выполнять письменно, одно за другим, не отступая от порядка, в котором они даются. Кажется, именно этому учил его ночной гость: каждодневный труд. Задача человека день за днем идти к своей цели, а Вселенная оценит усилия и воздаст по заслугам. Иначе просто быть не может!

В половине девятого Толя уже был одет и сидел за столом, то и дело поглядывая на экран мобильного. Но находиться дома дальше ему было тяжело. Игнатьев решил, что лучше остаток времени он проведет на улице, пройдет до редакции пешком, что опять же будет полезно для избавления от лишнего веса. Исполненный радужных надежд, он вышел из дома.

Саши еще не было на месте. В редакции «Вестника» его встретил пожилой длинноволосый сухошавый мужчина.

— Вы на собеседование пришли? Версткой заниматься? Тогда вот вам тест. Представьте, что у вас есть следующие элементы для рекламного блока: круг, треугольник и прямоугольник. Рекламный блок прямоугольный, расположите имеющиеся у вас элементы в нем. Ручка есть? Присядьте.

Игнатьев снял шапку, пристроив ее на коленях, сел за чей-то стол, на котором в беспорядке лежали бумаги, сверстаные газетные полосы, стояли компьютер и кружка с остатками кофе. Быстро начертил на листке бумаги прямоугольник, прямоугольник поменьше поместил в нижнюю его часть, на нем утвердил треугольник и круг.

— Что, уже справились? — удивился экзаменатор и взглянул на листок, протянутый Игнатьевым. — Ну что ж, неплохо!

Дверь кабинета, в котором обитали верстальщики, открылась, и в нее широким шагом вошел человек помоложе. Когда он снял вязаную шапочку, Игнатьев увидел, что и этот вошедший тоже был длинноволосым. Брюнет с несколькими длинным носом и живыми глазами. Оценив обстановку, он обратился к пожилому верстальщику:

— Иваныч, ты опять мучаешь людей своими тестами?

Подойдя к Игнатьеву, он протянул руку:

— Я Миша. А ты — Толя?

Игнатьев кивнул.

— Это хорошо, — сказал новый знакомый. — Саша предупредил, что ты придешь. Сейчас он и сам появится. Расскажи пока, в каких программах ты верстал?

Тут вмешался Иваныч. Подняв указательный палец, он сказал:

— Напрасно ты, Миша, недооцениваешь тесты! Они сразу показывают, есть талант дизайнера у человека или нет такого таланта. Этот парень с заданием справился!

— Ну и замечательно! — ответил Миша и кивнул Игнатьеву. — Пойдем!

Они отошли к другому столу, большому, со стоящим на нем огромным монитором. Миша придвинул второй стул:

— Садись!

Минут двадцать шел профессиональный разговор о том, чем придется заниматься новому верстальщику.

— Кстати, нам, возможно, потребуется и еще один человек. Должна девочка подойти, недавно окончившая колледж. Но ты не бойся, мы тебя возьмем, потому что мне газетами некогда будет заниматься, запускаем новый сайт, дизайн я сейчас разрабатываю. В газетах пока новшеств не надо, будешь делать полосы в том стиле, который есть. Появятся предложения — подходи, обсудим. Рабочее место твое будет вон там!

Миша указал рукой на еще один стол. На нем был монитор поменьше, но тоже вполне удобный для работы. Там же на столе размещался сканер.

— Так вроде со мной еще ни о чем не договорились, — скромно сказал Толя. — Ну, зарплата там, все такое...

— А, это с Сашей. Он придет, с ним эти вопросы и решите.

Будто в ответ на его слова в кабинет заглянул однокурсник Игнатьева.

— Ты уже здесь! — поприветствовал он Толю и обернулся к Мише. — Ну как?

Тот пожал плечами:

— Начнем — увидим.

— Ну, и отлично! Пойдем.

Саша увел Игнатъева в свой кабинет.

— Я тебе не говорил, — сообщил он. — С сегодняшнего дня я исполняю обязанности редактора. Прежний пошел на выборы в горсовет. Победит — уйдет в депутаты, там ему уже место на платной основе подготовлено, нет — вернется. В общем, пока со мной работаешь.

Саша успел согласовать все вопросы о приеме Игнатъева на работу. Тот отдал трудовую книжку секретарю — серьезной женщине со строгим выражением лица, прошел с Медведковым по кабинетам, знакомясь с коллегами, и направился к рабочему месту.

Войдя в кабинет, он увидел сидящую возле стола Иваныча девушку. Самого Иваныча не было. Миша сидел, уткнувшись в экран монитора.

Игнатъев подошел ближе и увидел, что девушка бьется над тестом, тем же, что задал старый дизайнер и ему. На листочке перед соискательницей места в редакции были начерчены геометрические фигуры. Девушка грызла ручку, уставившись на листок. Она напоминала студентку на экзамене.

Толя взял со своего стола обрывок бумаги, начертил тот же гипотетический рекламный блок, что демонстрировал Иванычу, и, подойдя, показал девушке. Та не сразу поняла, что от нее хочет незнакомый парень, но, взглядевшись в листик, засветилась улыбкой.

— Спасибо! — шепнула она и быстро нарисовала на своем листе нужный ответ.

Когда вернулся Иваныч, девушка протянула ему листок.

— Умница! — похвалил он. — А то бывает, что в основание треугольник кладут, а сверху круг пристраивают, вот он и балансирует на вершине... А то еще прямоугольником придавят треугольник и круг, не понимают, что он давить будет... Ну, ты мне подходишь!

Этим утром в редакции появилось два новых верстальщика. Миша, оторвавшись от своих дел, объяснил им их задачи. И Толе, и Насте, как звали девушку, предстояло верстать газетные полосы. При этом Настя была на подхвате у Иваныча, который занимался изготовлением рекламных макетов.

Миша рассудил, что новые знания лучше

улягутся в голову, если приобретать их в процессе работы. Поэтому до обеда у обоих верстальщиков уже было готово по газетной полосе. Подсказка, вовремя поданная Насте, и то, что оба были новичками, как-то сблизило Толю и девушку. В процессе работы Настя несколько раз подходила к Игнатъеву, смотрела, как он располагает материалы на газетной полосе, советовалась. Он же попросил у Миши подшивку газеты и просмотрел, стараясь усвоить те принципы верстки, которые применялись в «Вестнике».

Миша, время от времени заглядывавший на экраны их мониторов, удовлетворенно хмыкал. Когда они показали конечный результат, оценил:

— Молодцы! Быстро въехали.

Незадолго до начала обеденного перерыва Толя начал задумываться, не пригласить ли ему на обед Настю. Он тайком посматривал на ее ладную фигурку и вздыхал, колебался. С одной стороны, Учитель говорил о том, что не надо бояться девушек. Да и сам он это понимал. Тем более, в данном случае Настя явно была к нему расположена, испытывала благодарность за помощь. Но с другой стороны — она такая юная, хрупкая, а он — мужлан. Пара выглядела бы достаточно смешно, по мнению Игнатъева. Он боролся с собой некоторое время и наконец решился. Натянул куртку, подошел к Насте:

— Не хочешь сходить пообедать?

Но Настя, как показалось Толе, с сожалением отказалась:

— Спасибо, у меня есть печенюшки с собой.

— Тогда мы здесь кофе попьем! Настя, у тебя кружка есть? Я могу поделиться, мне недавно вторую подарили, — предложил Миша, слышавший разговор. — Мы обычно прямо тут перекусываем, но если ты хочешь, — обратился он к Игнатъеву, — иди.

Толя ушел, не очень довольный собой. В кафе, располагавшемся неподалеку, долго думал, что бы взять. Был соблазн попробовать и жирную сочную запеченную свинину, и солянку. Горячие пирожки подрумяненными боками привлекали взгляд. Но Игнатъеву удалось себя обуздать. Остановился он на котлете с гречкой, взял и морс. Морс был сладким, но

Толя рассудил, что достаточно того, что он чай без сахара пьет.

Жевал пищу очень медленно, как вроде бы жуют йоги. Перемалывал зубами гречку и котлету так, что глотать почти не приходилось. «Твердую пищу надо пить, а жидкую — жевать», — припомнил он когда-то читанные советы по здоровому образу жизни.

За соседним столиком над капустным салатом сидела молодая женщина в меховой высокой шапке. Она тоже ела не спеша, осматриваясь по сторонам, будто желала увидеть что-то интересное. Игнатьев, который прежде в такой ситуации сидел бы, уставившись в свою тарелку, теперь дождался, пока женщина посмотрит на него, улыбнулся и сделал такое движение рукой, будто собрался приветственно помахать. Но в руке была вилка, а на вилке лежала горка гречки. Гречка рассыпалась по столу, и Игнатьев соорудил нарочито унылую физиономию. Эта пантомима развеселила женщину. Она рассмеялась, опустив голову. Потом исподлобья посмотрела на Толю. Тот ей подмигнул. Женщина отвернулась, пряча улыбку. Толя был доволен произведенным эффектом. Он вдруг обнаружил, что может быть интересным для представительниц слабого пола, и это его вдохновило.

Толя подумал, что можно было бы попытаться познакомиться с женщиной, но это не входило в его первоначальные планы. Завершив обед, он кивнул женщине на прощание и отправился в редакцию.

Миша и Настя еще пили кофе за столиком в углу, о чем-то живо беседуя и хихикая. Толю кольнула обида, ему было жалко, что он не присутствует при этом разговоре.

Едва он расположился за своим столом, как в кабинет влетела ладная стройная девчонка с копной рыжих волос, в полосатом красно-синем свитере и гетрах в красно-белую полоску. Шерстяная юбка также имела красноватый оттенок, возникало ощущение, что в кабинет влетел огонь. Подскочив к Мише и Насте, девчонка подхватила со стола Мишину кружку, отпила и только тогда сказала:

— Привет! Это у нас новенькая? Я — Ксюша.

— Ксюша-Ксюша, только что из душа, — проворчал Иваныч, до того не проявлявший своего присутствия.

— Да, ну и что! — тут жеотреагировала девушка. — Мне же надо привести себя в порядок с утра, если я вечером до часу ночи брала интервью!

— У кого это? — поинтересовался Миша.

Девушка назвала фамилию заехавшего в город известного музыканта, исполнителя популярных песен в манере, близкой к шансону.

— Ух, ты! — восхитилась Настя. — Здорово!

Ксюша скривилась:

— Да ничего здорового! Посидели в арт-кафе, потрещали. Он только о себе и может говорить, все остальное ему неинтересно.

— А ты привыкла, чтобы мужчины говорили о тебе, — поддел ее Миша, улыбнувшись.

— А почему нет? — искренне удивилась Ксюша. — Я девушка симпатичная, привлекающая внимание, поговорить о такой — одно удовольствие. Но я сейчас не об этом хотела рассказать. Я тут один тест в психологическом журнале нашла...

— Опять тест! — схватился за голову Миша и поднялся из-за стола. — Ксюха, не мешай работать, мы и так заболтались. Вот Толе расскажи, если приспичило!

Девушка обернулась, увидела смотревшего на нее во все глаза Игнатьева и ринулась к нему.

— Ты тоже новенький? Толя зовут? Смотри! — она рассыпала по столу разноцветные бумажки. — Выбирай, не думая! Сразу!

Толя ткнул в красную бумажку.

— О, это классно! Молодец! Красный — это поддержка! Прикинь, а мне фигня попалась — желтая. А желтая обозначает безмятежность. Ну какая может быть у меня безмятежность! Текст надо сдать, Сашка уже окрысился с утра, правда, я ему из дома ночью на мыло переслала, заглянул бы, а потом орал. А сегодня еще встреча с подругой, в «Моде» последний день распродажи, надо успеть, и скайлинг вечером, а еще и отдохнуть когда-то надо! — всю эту фразу она выпалила на едином дыхании.

У Игнатьева сразу возникло множество вопросов, но начал он с теста:

— А что это такое? Чья поддержка? И что, если бы я серую, например, выбрал?

Ксюша вздохнула, демонстрируя удивление его непониманием:

— Ну что тут сложного? Это тест такой пси-

хологический, помогает тебе осознать свое состояние в данный момент. Выбирать надо быстро, не раздумывая. Красный цвет обозначает, что в настоящее время у тебя все хорошо, ты получаешь поддержку со всех сторон, беспокоиться не о чем. Серый цвет — неуверенность. Ты не похож на неуверенного человека. Если бы ты был неуверенным, ты бы и тест проходить не стал, пока не спросил бы обо всем. Верно?

Толя кивнул, хотя отметил про себя, что еще совсем недавно он именно так и поступил бы. Но теперь все было по-другому, и тест еще раз утвердил его в правильности выбранных действий. И поддержку он ощущал. Прежде всего поддержку Вселенной в лице Учителя, затем — поддержку Саши. Да и все коллеги явно демонстрировали ему расположение.

— Ну, вот, — продолжала Ксюша. — А желтый цвет, который выбрала я, обозначает безмятежность. Я и говорю, что это неправильный результат. А у тебя — правильный.

— Ксюха! Что за интервью ты мне сдала? — проревел Медведков, распахивая дверь. — Что значит «Пойдем ко мне в гостиницу, я на тебе женюсь»? Другой заголовок нельзя было придумать?

— Да, а если он так сказал? — обиделась Ксюша.

— А доказательства есть? Этот звездук нас потом засудит...

— Диктофонная запись сгодится? — спросила Ксюша, хитро улыбаясь.

Медведков удалился, почесывая затылок и что-то бормоча про себя.

Так началась работа Игнатьева в «Вестнике». Вечером после рабочего дня он захотел заглянуть к родителям, чтобы сообщить приятную новость, но раздумал. Маме трудно было бы объяснить, почему он отказывается от ужина. Поэтому ограничился телефонным звонком, позвонив уже из дома, когда пил купленный по дороге домой бифидок. Мама долго ахала, переживала, не будет ли сыночку хуже, но Толя рассказал о том, что зарплата у него теперь будет значительно выше, коллеги дружелюбны, расположена редакция в центре города, поэтому в смене работы одни плюсы. Он не стал подробно расписывать то, как по-

кинул прежнее место работы, не желая расстраивать мать.

— Смотри, Толенька, держись за эту работу, — поучала его мама. — С начальством не спорь, Саше обязательно спасибо скажи, а то и к нам в гости пригласи, я пирожков напеку.

Игнатьеву хотелось есть. Бифидок урчал в животе, совершая одиночное путешествие по проложенному тракту. Урчание забавляло Игнатьева, в то же время ему не хватало привычного чувства сытости. И все же он мужественно боролся с чувством не голода даже, а непривычной недокормленности, пытался найти плюсы в том, что организм не получил ужина. Плюс был в том, что Толя чувствовал некую легкость. Ему казалось, что если подпрыгнет, то легко зависнет в воздухе. Попробовал улечься на свой матрас, но тут же стал ворочаться. Жизненная энергия, обычно расходовавшаяся на умиротворенное переваривание пищи, требовала выхода.

Тогда Игнатьев оделся и вышел на улицу. Он не любил сумерки, полумрак. В сумерках краски тусклы, углы и линии дорог, зданий, кварталов стерты, размазаны. Игнатьев же предпочитал определенность, четкость. Действия должны производиться по некоему алгоритму, перспектива должна быть ясно видна, только в таких условиях можно чувствовать себя комфортно. Сумерки таили непредсказуемость, и Толя терялся, утрачивал ориентир.

Но сегодня на удивление он не испытывал таких чувств. Ориентир был у него в голове, и будь он даже окружен плотным туманом, это не могло повлиять на настроение. Благодаря Учителю он ясно осознавал свои цели, прежде, казалось, недостижимые. Теперь же жизнь сама показала, что готова убирать с пути Игнатьева все препятствия и стелить перед ним красную дорожку. И словно по красной дорожке, Толя широко шагал, вдыхая холодный воздух, наполнявший его радостью предвкушения праздника. Тело было легким, ноги будто сами несли его по городским улицам и проспектам.

Мимо проносились блестящие в свете фонарей и рекламных вывесок машины, навстречу спешили люди, много людей, в основном мо-

лодых. Те, кто постарше, кто обременен семьей, в это время обычно уже дома, а у молодых только начинается жизнь. Поток людей устремлялся к кинотеатру, Толя потоптался в нерешительности, шагнул было за стайкой девочек, громко и заразительно смеявшейся, но остановил себя, поняв, что хочет движения. Ему было бы трудно высидеть полтора-два часа в зрительном зале. И он отправился дальше, к городскому парку, располагавшемуся вдоль реки, делившей город на две части. На берегах речки летом было многолюдно, на песчаных пляжах загорали горожане, не сумевшие уехать в более теплые края. С визгом плескалась и носилась по берегу ребячья, игнорировавшая таблички с грозным сообщением «Купание запрещено!». Таким образом городские власти, не знаящие, как очистить реку, превратив ее в официальное место отдыха, снимали с себя ответственность. Но горожан это не смущало, для того, чтобы позагорать и искупаться, не нужно специальных разрешений.

Когда-то в детстве Толя и сам часто бывал здесь, пока не начал стесняться своей полноты, пока ему не стало казаться, что все, стоит ему раздеться, начинают смотреть на его выпирающий белый живот, обсуждать эту торчащую медузу и смеяться за спиной.

В последние годы на берегу реки построили новый стадион, где было и футбольное поле, и площадка для волейбола, и множество спортивных снарядов. В любое время года этот открытый стадион не пустовал. Толя, глядя, бывало, сверху на играющих, тихо им завидовал. Ему было жаль, что он не может так легко бегать, прыгать, бросать мяч, не может владеть своим телом, будучи словно заточенным в нем. Попробовали бы эти спортсмены закутаться в шарфы и шубы, напялить ватные штаны и телогрейки, надеть валенки и в таком снаряжении легко бегать! Толя ощущал себя именно таким, закутанным по уши. Но шубу можно снять, а два десятка лишних килограммов снять нелегко...

Сейчас, когда вечерами еще подмораживало, многие горожане пользовались последней возможностью ухватить немного зимних радостей. Рядом со стадионом заливался городской каток, вечерами там играла музыка, мас-

тера выделяли пируэты, начинающие осваивали одну из древнейших народных забав. Толя не умел кататься на коньках и сейчас лишь издали наблюдал за катающимися на катке людьми, а сам не рисковал становиться на непослушные железки.

Но сегодня ему хотелось совершить что-то необычное, быть активным, дать телу нагрузку. Он прошел чуть дальше, туда, где детишки раскатали крутые горки. Ледяные ручейки спускались в парк со стороны проспекта. В этом месте сутилась ребячья, притопывали ногами взрослые, приведшие своих чад развлекаться. У взрослых в руках были «ватрушки» и ледянки, поскольку детишки большей частью предпочитали кататься без этого лишнего оборудования, лихо протирая штаны и куртки. Горки были крутыми, но это не мешало ребячье демонстрировать свои умения. Кто-то спускался по льду лежа, то на спине, то на животе, кто-то плюхался на попу, иные начинали путь на корточках, а затем пробовали приподняться, а самые умелые катались, стоя на ногах, подпрыгивали на небольших трамплинчиках, радовались, когда удавалось удержаться. Время от времени кто-то из мам или пап, поддавшись уговорам детей, усаживался на ледянку, прижимал к себе наследника или наследницу и весело катился вниз.

Толя потоптался возле горки. Энергия, переполнявшая его, требовала выхода, и, после недолгой борьбы с собой, он дождался, когда все желающие съехали вниз, поднял одну из множества валявшихся рядом картонок. Сесть на картонку, не скатившись раньше времени, оказалось трудно, но Игнатьев справился и, оттолкнувшись, покатился. За несколько секунд он испытал удовольствие, но, скорее, не оттого, что ветер дул в лицо, не оттого, что скорость радовала, а от самого факта преодоления себя.

Под тяжестью собственного веса Толя пронесся дальше того места, где оканчивали спуск детишки. Он проехал по всей горке до конца и вынесся на тропинку, пересекавшую парк. В это время на тропинку собиралась ступить женщина, совершавшая вечерний променад. Она явно не ожидала появления Игнатьева, тем более что в этом месте со стороны тропин-

ки ледяную дорожку закрывали кусты. Собственно, и льда-то в этом месте уже не было, так, слегка раскатанный снег. Этих последних метров горки ребяшня достигала редко.

— Ай! — вскрикнула женщина, когда из-за кустов выкатился огромный, как ей показалось, парень.

Она испуганно отскочила. Толя поднялся на ноги.

— Извините, я не хотел вас напугать, — смущенно сказал он.

Испуг, который испытала женщина, сделал ее агрессивной, и эту агрессию она излила на Игнатьева.

— Смотреть надо, куда едешь! — злобно прошипела она. — Бельма позаливают, кабаны эдакие, и лезут людей пугать! По парку спокойно не пройти.

Толя болезненно воспринимал любые намеки на его недостаток, поэтому слово «кабан» воспринял как оскорбление. Кабан — значит, толстяк, только так он мог трактовать это слово. И настроение Игнатьева вмиг улетучилось. Он развернулся и направился к лестнице, по которой можно было вновь подняться.

Женщина, что-то ворча, направилась дальше.

Поднявшись, Толя собрался идти домой, но к нему подлетели трое мальчишек лет восьми:

— Дядя, а можно мы с вами прокатимся!

— Нет, я больше не хочу, — отказался Игнатьев, но мальчишки вцепились в его рукава.

— Ну, давайте! Ну, пожалуйста! — заголосили они. — Вы так далеко катились, мы тоже хотим!

Они подвели Толю к горке, и ему ничего не оставалось, как снова усесться на картонку. Мальчишки уцепились за него, один даже навалился сзади на спину и обхватил руками за шею.

— Поехали!

На этот раз спуск прошел без приключений. Дети, громко выражая восторг, звали Игнатьева кататься еще, но он наотрез отказался.

Дома, уже улегшись спать, Игнатьев задумался о Ксюше. Перед глазами вставали ее улыбка, завиток волос за нежным ушком, тонкие пальцы, рыжие волосы, спускавшиеся на плечи. Эта девушка ему очень понравилась, напомнив девочку, которую он когда-то видел в детском летнем лагере. Тогда ему хоте-

лось подружиться с бойкой рыженькой девочкой, но она не обращала на него внимания, общаясь больше со стройными спортивными парнями, для которых не составляло труда бегать с мячом, подтягиваться по пятнадцать раз на турнике. Толя со своим весом подтянуться не мог. Он издали смотрел на девочку и тихо страдал.

Похоже, судьба изменила отношение к Игнатьеву. Ведь Ксюша обратила на него внимание, была явно мила и дружелюбна. Они только познакомились, а она уже рассказывала ему о тесте, раскладывала перед ним разноцветные бумажки. Красный цвет символизирует поддержку. Ксюша и сама была в красном. Значит ли это, что между ними возможны какие-то отношения, как между мужчиной и женщиной? Значит ли это, что его устремления получат поддержку? Но чем он сможет заинтересовать такую яркую, такую свободную девушку? Рыхлый, пузатый, не слишком до недавнего времени удачливый.

Вот Саша — это да. Ровесник, но уже почти редактор популярной газеты. Всегда веселый, подтянутый, в хорошем настроении. Костюм на нем сидит замечательно, нигде не топорщится, не выпирает. В общем, именно таких людей называют успешными. А он, Игнатьев? Что в нем может привлечь внимание, что может вызвать симпатию по отношению к нему? А может, все-таки, есть в нем что-то хорошее? Может, его доброта, заботливость смогут вызвать ответное чувство?

Можно ли сказать, что Игнатьев влюбился? Он не знал ответа на этот вопрос. Он понимал, что Ксюша ему нравится. Он хотел бы, чтобы эта девушка была рядом с ним, хотел обнять ее, прижать к себе, хотел целовать ее всю. В то же время он ощущал себя недостойным того, чтобы обладать ею.

В этих размышлениях он долго ворочался и наконец решил поговорить с Учителем.

Тот ждал его за чайным столиком. Так же дымился чай в пиалах. Откуда-то доносилась негромкая восточная музыка.

— Учитель, Ксюша станет моей? — сразу спросил Игнатьев, едва успев присесть напротив своего собеседника.

Тот улыбнулся:

– Здравствуй, Толя!
Игнатьев смутился:
– Ой, простите, здравствуйте!
Мне показалось, что я уже поздоровался.

– Ничего страшного, – мягко сказал Учитель. – Но все же лучше, если мы будем придерживаться правил вежливости. Что ты хотел спросить?

– Я бы хотел узнать, будет ли Ксюша моей?

– Это зависит от тебя.

Игнатьев чуть не вспыхнул:

– Мне с детства это говорили! Почему все постоянно утверждают, что все зависит от меня? У меня что, папа – миллионер? Я могу стать королем? Или, может, знаменитым виолончелистом? Я могу спокойно перебраться жить куда-нибудь на Кирибати? Или стану полярником?

Учитель спокойно переждал, пока Толя успокоится. Тот, выговорившись, ждал ответа.

– Все действительно зависит от тебя, – ответил собеседник. – Если ты этого хочешь и если в это веришь. Ты не веришь в то, что станешь знаменитым виолончелистом, но разве ты пытался? Мы уже обсуждали с тобой эти вопросы. Папа у тебя не миллионер, но я говорю о том, что человек может изменить себя, а не папу. Ты можешь стать миллионером. Если захочешь. Если поставишь цель и будешь к ней стремиться, будешь желать достижения ее, невзирая ни на какие преграды. А что тебя привлекает на Кирибати?

– Ничего, – Толя рассмеялся. – Я читал, что люди там живут в хижинах, занимаются рыбалкой и любовью, едят бананы и рыбу и больше ничего не делают.

– Так ты разберись в своих желаниях. Ты хочешь ничего не делать на Кирибати или хочешь стать миллионером?

Толе было трудно принять правоту Учителя, в то же время он не мог и спорить с ним. Ведь, действительно, озвученные им желания были

противоречивы, а виолончелистом он стать не пытался и вообще с трудом отличил бы виолончель от контрабаса.

– Вот я о том и говорю, – подтвердил его мысли Учитель. – Ты хочешь, чтобы Ксюша была твоей?

– Хочу, – тихо сказал Толя.

– Уверен? Не спеши отвечать, подумай. Наша с тобой сегодняшняя беседа напоминала спор. В запале ты можешь сказать то, что на самом деле не думаешь. Видишь ли, в исполнении желаний, которые зависят только от тебя, ограничений практически нет. Но если твоё желание затрагивает другого человека, ограничения есть. Помнишь, где завершается свобода человека?

– Там, где начинается свобода другого человека, – Толя знал эту формулу, выдвинутую еще французской революцией.

Учитель покивал головой.

— Вселенский разум не ломает людей. Это же не колдовство! Иди к бабке-колдунье, купи любовное зелье, подмешай в чай Ксюше, и она станет твоей. Ты этого хочешь?

— Нет, — резко отказался Толя. — Я хочу, чтобы она добровольно стала моей, чтобы она меня полюбила.

— А ты ее любишь? Ты хочешь сказать, что любишь девушку, с которой не общался и часа?

— Я не знаю, — проговорил Толя. — Мне кажется...

— Что именно? — Учитель выждал время. — Ксюша тебе нравится, это очевидно. Ты хочешь, чтобы и ты ей нравился. Но не забывай, что у нее есть свои желания, и, даже если она этого не осознает, Вселенная заботится об их исполнении.

Такой разговор переставал нравиться Толе. Если вчера все было ясно, беседа с Учителем подарила надежды, уверенность в своих силах, то сегодняшние его слова разрушали эту надежду.

— Ничуть! — возразил Учитель. — Уверяю тебя, Вселенная заботится о тебе больше, чем ты сам. Все, что тебе действительно нужно, ты получишь. Если будешь стремиться к этому. Может быть, ты хочешь слишком быстрых результатов?

Толя пожал плечами. Он помнил, что, не успев подумать о новой работе, тут же получил ее. Он надеялся, что и девушка ему прислана сразу же, словно письмо по электронной почте. Но, может, это не так? Может, эта встреча только случайность?

— Не бойся, не сомневайся! — Учитель вновь был мягок. — Определяйся в желаниях, достигай их, и все у тебя получится!

Игнатьев распрощался с Учителем успокоенный. Перед сном он думал о Ксюше.

(Окончание в следующем номере)

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, завотделом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время — редактор отдела публицистики журнала «Север».

Один из авторов книги «История строительства в Карелии» (2007 г.).

Автор книг стихов «Старый лешак» (2009 г.), «Меняется ветер» (2012 г.),

книги литературной критики «Жить в эпоху перемен» (2011 г.).

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.

